

Рубиновый Ключ

Автор:

Джон Парк Дэвис

Рубиновый Ключ

Джон Парк Дэвис

Кэрри Райан

Карта Куда Угодно #1

Фин вырос в Сиротском Заповеднике и едва помнит свою маму. Мало того, никто не помнит его самого. Каждый, кто сталкивается с Фином, забывает мальчика через несколько мгновений. Девочка по имени Маррилл живёт в американском городе Фениксе и мечтает поскорее отправиться в путешествие с родителями. И вот однажды их пути самым неожиданным и удивительным образом пересекаются! Кто бы мог подумать, что девочка из Аризоны и мальчик с Пристани Клучанед будут вместе разыскивать древнюю карту Куда Угодно, разгадают тайну Рубинового Ключа и станут лучшими друзьями!

Кэрри Райан

Рубиновый Ключ

Carrie Ryan and John Parke Davis

THE MAP TO EVERYWHERE

© Дёмина А.В., перевод на русский язык, 2021

* * *

Посвящаю эту книгу Джейсону, без него Река никогда бы не засияла.

Дж. П. Д.

Посвящаю эту книгу моему отцу, потакавшему моему воображению.

К. Р.

ИСТОРИЯ СИРОТЫ

Два дня назад в Заповедник пришла любопытная посетительница. В нашем регистрационном журнале осталась запись о некой «мисс Нинаста Ящеймя» родом из явно иностранного, судя по звучанию, порта Даликоцуда, прибывшей в 10:00 и ни секундой позже с ребёнком и покинувшей Заповедник через час и три минуты уже без него. Согласно заметке в журнале мисс Ящеймя ровно час осматривала Заповедник. Мистер Бизделитс, наш старший погонщик сирот, утверждает, что весь этот час он без всякого дела ходил по Заповеднику и громко рассуждал сам с собой о наших методиках воспитания. Чем мисс Ящеймя занималась в оставшиеся три минуты, неизвестно.

Вскоре после этого в одной из общих спален был обнаружен лишний комплект мальчиковой одежды. Расследование сообщений о голодном привидении, крадущем еду с кухни, и смутных воспоминаниях воспитанников о том, что ночью они делят с кем-то постель, привело в итоге к успешному обнаружению ребёнка, которого определили к миссис Маринаде Пастернак, отвечающей за детей от трёх до шести лет.

Сейчас мальчик находится под опекой миссис Пастернак, единственной на данный момент, кто всегда его помнит. До тех пор пока она его не забудет, я уверен, он будет в полном порядке.

Глава 1. Привидение из Сточнопротечного переуллка

Фин сидел скорчившись за полкой с поддельными вкусами и старался не обращать внимания на просачивающиеся вкусы крысиной шерсти и сока брокколи из отталкивающих на вид бутылок. Всего десять минут назад хозяин этой грязной лавочки, неприятный, покрытый серой чешуёй старый монстр Акулизуб, впустил его перед самым закрытием – «мне только взглянуть» – и немедленно забыл о его существовании.

«Многие планируют взлом, – с усмешкой подумал Фин. – Но очень мало кто планирует вызлом».

Затаившись, пока старый жулик запирает дверь – в конце концов, он был забываемым, а не невидимым, – Фин проводил взглядом Акулизуба, протопавшего до соседней двери, за которой располагалась его спальня. Затем Фин подождал, пока тьма окончательно накроет извилистые улочки Пристани Клучанед, а беспрестанный визг высотных ветров с горы достигнет своего вечернего апогея.

Наконец пришла пора действовать.

Медленно выпрямившись, Фин помассировал ноги, возвращая им чувствительность, затем прокрался мимо полок со всевозможным подержанным хламом к старому выставочному стенду за прилавком. Даже заляпанное стекло не могло притупить красоты будущего трофея: золотой броши с изумрудом, блестящей и сияющей, подобно солнцу. Фин облизнулся в предвкушении.

Осторожно, одним пальцем, Фин нащупал спрятанные за дверцами стенда проволочки и по ним добрался до ловушек: одного ручного капкана и пары шприцев с кислотой. Всё стандартно, их обезвреживание даже за тренировку не

засчитаешь.

– Что ж ты такой скучный, Акулизуб, – пробормотал себе под нос Фин, нейтрализуя ловушки и вскрывая замок. – Хотя бы в следующий раз постарайся.

Улыбнувшись, он схватился за ручку дверцы. Он заберёт свой приз и смоется, прежде чем голова старого прощелья успеет коснуться подушки.

Эта мысль испарилась, стоило ему распахнуть дверцы, которые издали такой громкий скрип, что он буквально прошил воздух. Фин вздрогнул. Идеальное преступление оказалось сорвано из-за какой-то ржавой петли!

Старик Акулизуб выскочил из спальни и, взмахнув тяжёлой тростью, проревел:

– Кому не терпится на тот свет сегодня?!

– Трубки-стержни! – вскрикнул Фин.

Он схватил брошь. Акулизуб бросился к нему. Но хороший вор полагается на инстинкт, а Фин был лучшим из лучших. Трость просвистела по воздуху за миг до того, как он запрыгнул на прилавок. Она попала в стенд, и во все стороны полетели осколки стекла.

Мальчик и монстр какое-то время смотрели друг на друга, поджидая, когда другой сделает первый шаг. Фин слегка наклонился, развёл руки и собрался, готовый в любой момент броситься наутёк. Акулизуб изучал его чёрными, как провалы, глазами и скрежетал двумя рядами острых зубов.

Затем, зарывав, Акулизуб кинулся на него. Фин сделал вид, что хочет метнуться влево, но на самом деле спрыгнул на пол и рванул со всех ног к выходу.

– Слишком медленно! – взвизгнул он, когда старый монстр бросился за ним, попутно сбивая с полок прохудившиеся ушные трубки и ржавые солнечные проекторы.

Фин не оглядывался. Он выскочил за дверь и нырнул в темноту. Лавка Акулизуба ютилась в коротеньком туннеле, образованном двумя зданиями, которые решили

в какой-то момент одновременно обрушиться в один и тот же переулочек, поэтому выходов здесь было только два. Фин, недолго думая, побежал в первый попавшийся.

– Ты мерзкий поганёнок! – закричал Акулизуб, бросившись следом.

Их ноги порождали ритмичный топот на фоне завываний ветра. Фин сглотнул. Он мог убежать почти от кого угодно (когда за тобой постоянно кто-то гоняется, этому быстро учишься). Но Акулизуб не был бы таким известным жуликом, не побегай он вдоволь в своё время. И если ничего не придумать, совсем скоро Фин перейдёт из разряда акульей наживки в акулюю закуску.

К счастью, на такие случаи у него был продуман план. В конце концов, для вора хроническая его забываемость имела определённые преимущества. Хотя, когда он делал нечто значительное, ну, например, утаскивал драгоценности с закрытых стендов на глазах их владельцев, те обычно забывали о нём не так быстро. Но если Фин и был в чём-то уверен в этой жизни, так это в том, что все воспоминания о нём рано или поздно блёкли.

Он свернул на боковую улицу и вжался всем телом в ближайший дверной проём. Секундой позже Акулизуб с рёвом пробежал мимо, но, сделав ещё пару шагов, он, больше не видя впереди добычу, притормозил и принялся.

Держась уверенно и независимо, Фин вынырнул из-за спины Акулизуба и дёрнул жулика за рукав.

– Ищешь ту девчонку, которая только что пробежала здесь, размахивая ожерельем?

Акулизуб резко к нему повернулся.

– Что? Девчонку? Нет... – Он осёкся и задумчиво потёр рукой подбородок, покрытый грубой чешуёй. Сверху свистели ветры, в чернильно-чёрных глазах монстра танцевали отражения уличных фонарей. – Готов поклясться, это был мальчишка... Вроде я хорошо его рассмотрел... Но чтоб меня дери, не могу толком вспомнить...

Фин пожал плечами. Всё это было для него давно привычной практикой.

– Ну здесь пробежала девчонка. Тёмно-рыжие волосы, немного ниже меня?

Акулизуб наклонил голову набок.

– Тёмные волосы, да, припоминаю. И она была мелкой...

– Значит, точно она! – объявил Фин. – Пронеслась по улице, как горный вихрь, и рванула напрямик в тот проулок. – Он указал на ряд домов напротив. – Я так понял, она движется к Верфным Норам.

Акулизуб кивнул.

– Спасибо, парень. – Его губы растянулись в жестокой ухмылке. – Не надейся увидеть её снова, – угрожающе добавил он и, рассекая тростью ночной воздух, убежал в указанном направлении.

– Я и не планирую, – хихикнул Фин, когда Акулизуб уже не мог его слышать.

Он выждал пару минут, чтобы Акулизуб окончательно забыл его, затем достал из кармана переливающуюся изумрудную брошь и бархатный кошелёк, который он только что срезал с пояса Акулизуба.

Фин провёл большим пальцем по лицевой стороне броши. Ещё одна успешная вылазка в копилку мастера-вора Пристани Клучанед. Посвистывая, он пошёл вверх по улице, по дороге пересчитывая монеты в свежедобытом кошельке. Оказалось, Акулизуб за сегодня успел сорвать неплохой куш!

Добравшись до Умопомрачительных высот, где к самым крутым склонам горы липли дома бедняков, он резко свернул и двинулся вниз по устрашающе узким дорожкам, пока не оказался в мокром коротеньком переулке под названием Сточнопротечный. Его целью был семнадцатый дом справа: шаткая узкая лачуга, ютящаяся на самом краю обрыва. Над двумя жилыми этажами покачивалась на ветру высокая башня-мансарда, вечно грозящая рухнуть в простирающуюся внизу бухту.

Шаги Фина замедлились, свист стих. Никто не оставил для него в окне свет, входная дверь была заперта. Не то чтобы он ожидал чего-то иного. Эта лачуга служила ему домом с тех пор, как он покинул Сиротский заповедник пять лет назад (ему тогда едва исполнилось семь), но больше никто об этом не знал. Даже живущие здесь мистер и миссис Пастернак.

Но он на них не обижался.

С лёгкостью, достигнутой за годы тренировок, он запрыгнул с крыльца на водосточный жёлоб и прополз по нему до кухонного окна. Фин регулярно смазывал его петли, чтобы оно открывалось бесшумно. Сбоку от окна стояла старая жестяная хлебница, в которой Пастернаки хранили деньги.

Фин осторожно снял крышку и заглянул внутрь. И покачал головой. Пусто. Пастернаки были слишком добры: без него они потратят последний дриллет на обед для незнакомца, а сами останутся голодными.

Фин высыпал содержимое свежедобытого кошелька в хлебницу и положил сверху брошь. Этим самым утром миссис Пастернак вздыхала, глядя на неё в витрине Акулизуба, который выставил за украшение сумасшедшую даже по ювелирским меркам цену. Затем она развернулась и потратила ровно такую же сумму на обувь для всех детишек младше семи лет из Сиротского заповедника.

Фина ни капельки не мучила совесть. Если бы он мог, то украл бы для миссис Пастернак весь мир. Именно его она подарила Фину, пока он был в её группе шестилеток и ребят помладше. За исключением его матери, миссис Пастернак была единственной из всех, кого он знал, кто на самом деле его помнил, и именно поэтому она относилась к Фину с особой нежностью. Это была не её вина, что в итоге она тоже забыла его. Со временем все забывали.

И потом ему было известно, что её душа лежала лишь к шестилеткам и ребятам помладше. Фин догадывался, что она помнила его, только потому что всю себя посвящала маленьким детям. Он просто вырос, вот и всё.

«По крайней мере, у забываемости есть свои плюсы», – с улыбкой напомнил себе Фин. Это был уже третий раз за месяц, когда он выкрадывал брошь у Акулизуба! Хотя бедная миссис Пастернак, должно быть, уже начала бояться за свой

рассудок, то и дело обнаруживая её в жестяной хлебнице.

В груди потеплело. Фин закрыл хлебницу крышкой, захлопнул окно и полез по трубе вверх, к башне-мансарде, избегая прогнивших из-за плесени участков и крепко держась, когда ветер становился особенно сильным. Достигнув самого верха, Фин проскользнул внутрь через разбитое окно и с облегчением выдохнул. Дом, милый дом.

Неловко нагнувшись, Фин пошарил по заваленному всякой всячиной полу. Кучи сетей для ловли облаков опутывали самобросающиеся мячи, старые карты и другой важный хлам, что он успел накопить за эти годы и которым ни разу толком не пользовался. Он служил доказательством воровских умений Финна, а главным свидетельством его мастерства было его ложе.

Хотя рядом не было никого, кто бы мог это оценить, Фин эффектным жестом достал из кармана пустой бархатный кошелек Акулизуба.

– Последний! – провозгласил он, добавляя его к горе других пустых бархатных кошельков.

И упал на неё лицом вниз, наслаждаясь триумфом от завершения великого дела.

У него ушло всего три года – и в итоге четыреста шестьдесят два очищенных кармана. Его ладони приятно закололо, по рукам побежали мурашки, и он даже не расстроился, заметив таракана, выбежавшего из одного кошелька. Живя в мансарде, невольно научишься любить насекомых. Тараканы хотя бы не кусались, в отличие от щелкожёвов, живших в кожаных кошелях, на которых он спал раньше.

– Сегодня был хороший день, – прошептал Фин себе под нос, переворачиваясь на спину.

Он уснул, представляя выражение радостного удивления на лице миссис Пастернак, когда она обнаружит завтра утром брошь.

* * *

- Проклятое привиде-е-е-е-е-е-е-е-е-е-ние!

Вопли мистера Пастернака прошили проломленные местами доски пола мансарды и ворвались Фину в уши. Снаружи, как обычно, выл ветер, но даже он не мог заглушить рёв хозяина дома. То был привычный будильник Фина. Старый зверь наверняка обнаружил пропажу сыра, которым вчера поужинал Фин.

Фин осторожно скатился со своей самодельной кровати и, поднявшись, смахнул на место сползшие кошельки. Пригнувшись, чтобы не удариться головой о балки, он подошёл к люку, ведущему в дом, и отодвинул в сторону стоящую на дверце статую из сапфиров и опалов. С тихим бух он спрыгнул вглубь старого шкафа, который Пастернаки даже не пытались повторно отполировать (после того как «привидение» спрятало все необходимые для этого инструменты мистера Пастернака), и бесшумно спустился по лестнице.

- Боже правый, Арлер, - услышал Фин голос миссис Пастернак, идя по коридору в сторону кухни, - у меня нет времени на эту твою призрачную чепуху! Я и так уже опаздываю, и шестилетки точно запишут пятилеток в корзины для сушки и оставят их рядом с бассейном, если я скоро не приду!

Фин поморщился, вспомнив вонь того самого бассейна. Хорошо, что для него всё это осталось в прошлом.

- Сыр, женщина! Сыр! - провизжал мистер Пастернак из другого конца коридора. - Это проклятое привидение утащило сыр!

Фин прокрался ближе. В отражении висящего рядом зеркала он увидел худощавую миссис Пастернак, завязывающую серо-голубые волосы в тугий узел на макушке, и круглое красное лицо мистера Пастернака. Его толстые отвисшие щёки подрагивали за белыми бивнями.

- Ты просто невозможен, мой дорогой орк! - засмеялась миссис Пастернак.

За этим последовали поцелуи. Фин рыгнул. Взрослые иногда могли быть такими противными.

Он выглянул в дверной проём. Мистер Пастернак достал из кладовой буханку хлеба и банку с жабьим маслом, самой нелюбимой едой Фина во всём мире. Миссис Пастернак ловко выхватила из руки супруга ломоть хлеба за секунду до того, как тот плюхнул бы на него комок серой жирной субстанции, и направилась к входной двери. Фин уже собрался проскользнуть на кухню и стащить хрустящую корочку, когда миссис Пастернак внезапно остановилась на пороге.

– Арлер?

Она наклонилась и подняла что-то с заросшего плесенью деревянного крыльца. Когда она выпрямилась, Фин увидел между её тонкими пальцами сложенный лист белой бумаги.

– Шо это? – прошамкал мистер Пастернак, обмазывая новый хлебный ломоть толстым слоем склизкой гадости. Сунув его наполовину в рот, он оглянулся через плечо.

– Письмо, похоже, – ответила миссис Пастернак.

Фин наклонился в проход, дальше, чем обычно себе позволял. Простые жители Пристани вроде Пастернаков никогда не получали писем. Время от времени Сиротский заповедник присылал сообщения через фонолягушку или мальчик-попугай мог доставить записку от родственников мистера Пастернака, живущих на Посещениянежелательном побережье. Но настоящие письма? Такого не бывало.

– Давай посмотрим, – сказала миссис Пастернак. Она нахмурилась. – Адресовано некоему «М-вору».

– Мастеру-вору! – вырвалось у Фина, прежде чем он успел себя остановить.

Письмо было для него!

Мистер Пастернак подпрыгнул так высоко, что ударился об потолок, и его всего обсыпало кусочками сгнившего дерева и цемента. Миссис Пастернак прижала письмо к груди, её глаза стали огромными, как луна в середине лета.

Секунду никто ничего не говорил. Фин бы всё отдал, чтобы вдохнуть назад вылетевшие изо рта слова. Он представил, как выглядит со стороны: стоит, наполовину высунувшись в дверной проём, чёрные волосы непричёсанными патлами падают на смуглую кожу, одежда грязная после нескольких дней непрерывной носки, если не считать редкого споласкивания в фонтане.

– Бродяжка! – закричал мистер Пастернак, ухватившись за первый пришедший на ум логичный вывод.

Он схватил метлу с толстой ручкой и замахнулся ею как битой.

Фин сглотнул, и хотя он знал, что это не сработает, всё равно попробовал.

– Миссис Пастернак? – прошептал он. – Это я, Фин?

Миссис Пастернак вопросительно склонила голову. Её глаза слегка прищурились. Он отчаянно искал на её лице хотя бы искорку узнавания. Её рот приоткрылся, совсем чуть-чуть, и в его сердце вспыхнула надежда.

– П-прошу прощения, молодой человек, – запнувшись, сказала она. – Мы знакомы?

Фин вздохнул, огонёк надежды потух. Ну разумеется. Мистер Пастернак направил на него щётку от метлы и медленно махнул ею в сторону двери.

Пора уходить. Опять.

Понурившись, он пересёк кухню. Сегодня придётся обойтись без завтрака. Но сейчас кое-что было важнее ломтя хлеба, насквозь пропитавшегося жабым маслом. На пороге он повернулся к миссис Пастернак. Она смотрела на него с той же пустотой в глазах, к которой примешивался страх.

– Извините, – прошептал он.

Уголки её глаз дёрнулись, и она нахмурилась.

– Нехорошо вламываться в чужие дома, – укорила она его.

Мистер Пастернак за её спиной хмыкнул, не опуская метлы.

Фин пожал плечами:

– О, я не об этом. А вот о чём!

Одним быстрым движением он подпрыгнул и выхватил из её руки письмо.

Мистер Пастернак взревел и взмахнул метлой. Та ударилась об пол, едва не задев Фина.

– Трубки-стержни! – вскрикнул он, но его уже было не догнать.

Он опрометью понёсся по узкой улочке, морщась от впивающихся в ступни булыжников. Пара дюймов в сторону – и ему бы не поздоровилось.

Но Пастернаки скоро обо всём забудут, и никакой замок его не остановит. А самое главное, его пальцы сжимали письмо. Письмо, адресованное ему.

Глава 2. Пиратский корабль на парковке

– Она не от динозавра, – отрезала Маррилл.

Она провернула в руке старую сухую кость и вытерла тыльной стороной запястья вспотевший лоб. Трое семилетних мальчиков смотрели на неё горящими глазами. Над ними висело раскалённое аризонское солнце, такое горячее, что подошвы её кроссовок едва не плавилась.

– Скорее всего, она коровья, – добавила Маррилл.

Мальчики почти синхронно перестали улыбаться и нахмурили брови.

– Но откуда ты знаешь? – спросил старший брат, Тим (или Тед?).

Они стояли посреди знаменитого раскопа тройняшек Хатчей, более известного как пустой участок на окраине их района у чёрта на куличках.

Тройняшки, скорее всего, пришли к Маррилл за советом, потому что у неё был опыт в таких делах. В прошлом году они с родителями три месяца провели на раскопках в Перу, искали останки птицы таких огромных размеров, что она проглатывала лошадей на закуску. Папа написал об этом статью, и та вместе со сделанной мамой фотографией Маррилл, на которой она держит в руках клюв размером с её голову, попала в итоге на страницы Смитсоновского журнала.

– Потому что это кость, – сухо ответила она. – Если бы она принадлежала динозавру, то давно бы окаменела.

Она поймала взгляд младшего брата, Тома (или это был Тим?). Тот надул губы и поник. На лицах его братьев застыли схожие выражения.

Маррилл кольнула совесть. Они мечтали о великом открытии, а она всё испортила скучной реальностью. Ей было хорошо знакомо это чувство. Но благодаря папиной и маминой работе на её долю выпадало множество классных приключений, и в ближайшие дни она отправится за новой их порцией, тогда как все приключения тройняшек Хатчей ограничивались теми, что они сами себе придумывали. И она лишила их даже этого.

Маррилл поднесла кость к глазам и задумчиво поджала губы.

– Хотя, если подумать... – Она помотала головой. – Но нет, этого не может быть.

– Чего не может быть? – снова просиял младший брат.

– Ну... – Маррилл села на корточки и царапнула ногтем землю. – Когда мы были в Перу в прошлом году, кое-кто там шептался, будто бы по всей планете начали находить останки драконов. Учитывая размеры, эта кость могла принадлежать детёнышу дракона, но...

Средний брат (Тим, она почти не сомневалась) нахмурился:

– Драконов не бывает.

– Перуанский исследовательский центр драконов с тобой бы поспорил, – пожала плечами Маррилл. – Хотя без других останков сказать точно невозможно...

Не договорив, она бросила кость Теду (Тому?) и пошла к дому своей двоюродной бабушки. По пути она оглянулась: тройняшки стояли вокруг кости и что-то возбуждённо обсуждали.

С её лица не сходила улыбка до поворота на бабушкину улицу. Но стоило впереди показаться знакомому дому, и она сбилась с шага. Табличка «Продаётся», простоявшая во дворе несколько недель, исчезла.

Сердце Маррилл загрохотало в груди. С тех пор как пару месяцев назад умерла её двоюродная бабушка, они безвылазно торчали в Фениксе. Родителям Маррилл даже пришлось завершить досрочно их последнюю экспедицию, чтобы приехать сюда и разобраться с оставшимися после неё вещами. С домом вышло дольше всего. Каждый день Маррилл надеялась увидеть внизу знака таблички надпись «Продано!», и каждый день заканчивался разочарованием.

Но не сегодня.

Она влетела в дом на крыльях радостного нетерпения и даже не остановилась, чтобы насладиться кондиционированным воздухом. Вместо этого она побежала напрямик к себе в комнату, нырнула под кровать и отбросила в сторону закатившиеся сюда карандаши и наполовину заполненные альбомы для рисования, чтобы добраться до спрятанной в глубине обувной коробки. Она мечтала об этом моменте всё лето. Наконец-то они отправятся в новое путешествие, и она успела выбрать идеальный маршрут.

– Наконец-то мы уедем отсюда! – взвизгнула девочка, ворвавшись на кухню с коробкой в руках.

Её родители сидели за старым разделочным столом, на котором были разложены стопки бумаг. Одноглазый кот Маррилл по кличке Карнелиус развалился поверх одной из стопок и лениво бил рыжей лапой по скомканному конверту.

– Помните, когда мы сюда приехали, вы сказали мне подумать, куда отправиться в следующий раз? – зачастила Маррилл, не дожидаясь реакции родителей. – И знаете что? Я нашла самое идеальное из всех возможных мест!

Она вывалила на стол содержимое коробки: глянцевые снимки, карты и проспекты. Понизив голос, она тоном ведущего игрового шоу продолжила:

– Леди, джентльмен и кот, я представляю вам... – Она сделала драматичную паузу, после чего подняла в воздух постер с девочкой, нянчащей однорукого детёныша шимпанзе. – «Заповедник спасённых животных с апартаментами и игровой крепостью в парке Бентон»!

Её родители были ошеломлены. Они и слова не могли вымолвить. Маррилл остановилась и позволила себе прочувствовать всю силу их восторга. Как она их понимала – она сама не могла бы придумать места лучше. Маррилл души не чаяла во всех потерявшихся и бездомных созданиях (именно поэтому она ухаживала за двулапым хорьком во Франции, глухой древесной лягушкой на Коста-Рике и бесхвостым попугаем в Парагвае). Заповедник занимал целый остров, отведённый для одной-единственной цели: реабилитации пострадавших по той или иной причине животных. Маррилл улыбалась так широко, что испугалась, как бы у неё не треснуло лицо.

Папа посмотрел на маму, а та уставилась на свои сцепленные руки, лежащие на коленях. Они оба выглядели крайне напряжёнными. У Маррилл похолодело внутри. Папа кашлянул.

– Маррилл...

Она знала этот тон. Он обещал извинения и серьёзные разговоры, и всё то, что ей не хотелось слышать.

– Но это ещё не всё! – воскликнула она в надежде, что если продолжит стоять на своём, то ничего из того, что должно произойти, не случится. – Смотрите, как удачно расположена жилая зона! Прямо рядом с парком, то есть ты в любой момент, днём и ночью, можешь пойти в заповедник и найти нуждающегося в тебе слона, или кенгуру, или ленивца, или жирафа, в зависимости от твоих личных предпочтений, и все они жаждут любви и заботы, которую им сможет дать только двенадцатилетняя девочка! И не будем забывать о разных бонусах

вроде автомата по продаже мороженого, и водных горок, и...

Её голос задрожал и затих. На лицах родителей застыла невыразимая мука. Маррилл постаралась собраться и приготовиться ко всему.

– Маррилл. – Папа опять прочистил горло и поправил на носу очки в тонкой металлической оправе, которые он приобрёл на блошином рынке в Румынии. – Нам нужно тебе кое-что сказать.

Он встал и обнял её одной рукой. Затем произнёс слова, которые она боялась услышать последние пять лет. С того дня, когда она в последний раз стояла у больничной койки, плакала и чувствовала себя беспомощной.

– Дорогая, твоя мама опять больна.

Она словно шагнула назад под аризонское солнце, которое опалило её, оставив задыхаться. На кухне стало тихо. Маррилл посмотрела на папу, затем на маму, мысленно умоляя её возразить. Но та молчала.

Внутри Маррилл заворочалась паника. Этого не могло быть. Мама была её лучшей подругой, она всё-всё ей рассказывала. Мама не могла опять заболеть, только не это.

Маррилл тряхнула головой и прошептала:

– Нет.

Она отодвинулась, и папина рука соскользнула с её плеч и бессильно повисла.

Но глядя сейчас на маму, Маррилл не могла не признать очевидного. Мамины щёки были бледнее, чем обычно, губы слегка утончились. Она двигалась медленнее и осторожнее. Даже её тарелка с хлопьями стояла у раковины нетронутой. Все признаки были налицо, но Маррилл их не замечала. Не хотела замечать.

Развернувшись, она закрыла лицо руками, будто это могло помочь удержать рвущиеся наружу страхи и боль. Ей было ненавистно это ощущение. Она не

знала, что сказать, что сделать, и это было совершенно невыносимо.

– Я поправлюсь, солнышко.

Мама встала, обошла стол и заключила Маррилл в крепкие объятия. И та сразу оказалась окутана всем тем, что составляло её маму: голос, запах, ритм дыхания. Всё то, что было знакомо Маррилл с рождения, всем тем, что было встроено в её ДНК.

– Это всего лишь очередное обострение, – объяснила мама, не отнимая губ от волос Маррилл. – Нам придётся какое-то время пожить рядом с врачом, вот и всё. – Она отстранилась и встретилась с Маррилл взглядом. – Мне станет лучше, и мы снова отправимся в путь. Обещаю.

– Но я не понимаю, – сказала Маррилл, пытаюсь разобраться в происходящем. – Таблички «Продаётся» больше нет. Это значит, что мы переезжаем, верно?

Папа снова кашлянул.

– Это значит, что мы остаёмся. Дом теперь наш.

В груди Маррилл будто завязался тугой узел. Она старалась дышать ровно и глубоко, но бьющееся о рёбра сердце мешало. За пять лет, прошедшие после госпитализации, у мамы уже случались обострения, но они лишь слегка тормозили перемещения их семьи и никогда не вынуждали остановиться.

– Я нашёл работу в городе, – продолжил папа. – И мы отправили в школу, расположенную в конце улицы, твои документы. Они знают, что ты обучалась на дому, поэтому хотят, чтобы ты сдала пару-тройку тестов, подтверждающих твой уровень. Но не волнуйся, ты справишься. Рядом находится хорошая клиника, и врач уже заверила нас, что немного стабильности – и твоя мама быстро придёт в норму. А пока ей нужно как можно меньше волноваться, поэтому какое-то время никаких переездов.

Слова папы оглушили Маррилл.

– Дом? Школа? Но...

Они никогда раньше нигде не обустроивались. Сколько Маррилл себя помнила, они ни разу не жили нигде дольше полугода, и то это было, когда мама заболела в первый раз. Родители всегда твердили, что не хотят быть привязанными к одному месту. Маррилл очень хорошо их понимала.

Дом означал постоянство. Он означал жизнь в одном месте. Больше никаких приключений.

И всё это означало, что мама была серьёзно больна.

Не произнеся больше ни слова, девочка отвернулась и выбежала из кухни, глотая слёзы. Карнелиус прыгнул со стола, смахнув с него стопку бумаг, и заторопился следом.

В своей комнате Маррилл посмотрела на собранный ею коллаж на стене из рисунков и маминих фотографий со всех концов света: папа, делающий вид, будто он поддерживает Пизанскую башню; семилетняя Маррилл, поднимающаяся верхом на козле на гору в дождевом лесу Индонезии; набросок мамы (вомбат с детёнышем), она нарисовала его в Австралии.

Но больше всего Маррилл любила снимок, на котором они с мамой, держась за руки, прыгают с обрыва навстречу прозрачной голубой воде. Она помнила это так ясно, будто это происходило прямо сейчас. Маррилл смотрела тогда на такую далёкую воду внизу и умирала от страха. Но мама шепнула ей на ухо, что всё будет хорошо, будет здорово, и она уже не так сильно боялась. И мама оказалась права: вышло так здорово!

Она почувствовала, как на её плечо опустилась рука.

– Вода в тот день была ледяной, – тихо засмеялась мама, прекрасно зная, на какой снимок смотрит Маррилл. Она всегда знала, о чём Маррилл думает, всегда знала, что нужно сказать или сделать.

Слёзы, что Маррилл едва сумела побороть, опять грозили сорваться с ресниц.

– Мне было так страшно.

– Но ты спрыгнула. – Мама сжала её плечо. – Какие-то вещи могут поначалу пугать. Но часто именно в них заключается бесценный опыт.

Маррилл повернулась к маме, но не подняла глаз от рук, теребящих край футболки. Вся подавляемая тревога разом хлынула наружу:

– Но теперь всё изменится. Теперь всё будет не так, как раньше, – мы больше не сможем всем этим заниматься.

Мама присела на корточки перед ней, зажала лицо Маррилл между ладонями и притянула к себе. Из глаз Маррилл катились горячие слёзы, но мама вытерла их подушечкой большого пальца.

– Это лишь значит, что нам какое-то время придётся быть немного осторожнее, милая, вот и всё. Обещаю тебе, в будущем тебя ждёт ещё множество приключений. Со мной или без меня.

У Маррилл внутри всё сжалось.

– Но я не хочу без тебя! И зачем мне? Вы с папой сказали, что ты будешь в порядке!

– Я буду, – сказала мама и поцеловала её в лоб. – Я планирую задержаться здесь ещё надолго. – Она улыбнулась той особой ласковой улыбкой, что всегда согревала Маррилл. – А пока тебе придётся отправиться на поиски приключений без меня и потом в подробностях мне о них рассказать. Договорились?

Маррилл, шмыгнув носом, кивнула. Мама обняла её, после чего встала.

– Может, в Фениксе окажется не так уж плохо, – сказала она, остановившись в дверном проёме. – Помни, в любой новой ситуации у тебя всегда есть два пути: ты можешь убежать или прыгнуть в неё с головой. – Она снова улыбнулась, на этот раз мягче. – Тебе может понравиться жизнь обычного ребёнка, просто попробуй.

И она ушла.

Оставшись одна, Маррилл посмотрела на улегшегося на краю кровати Карнелиуса.

– Я не хочу быть обычным ребёнком, – пробормотала она.

По горлу будто поднялась горячая волна, и Маррилл сглотнула в попытке её подавить. Все чувства и эмоции спутались: страх за маму, волнение из-за будущего, разочарование из-за необходимости забыть о следующем приключении, вина за собственные переживания (ведь сейчас она должна думать только о маме).

Комната вдруг показалась Маррилл клеткой, ей необходимо было отсюда выбраться. Она торопливо застегнула на коте шлейку, крикнула родителям, что идёт погулять, и, не дожидаясь ответа, выскочила на улицу. Карнелиус бежал рядом, щуря единственный глаз на яркое пустынное солнце.

Они быстро пересекли голый кусок земли на месте двора и пошли по дороге, ведущей в нежилой район. Сухой песок забивался в кроссовки и под коленки. Ощущение времени смазалось, и Маррилл могла думать лишь о маме. Она и не заметила, как преодолела милю с лишним и оказалась у заброшенного торгового центра, что стоял на окраине ныне мёртвого города.

Маррилл была так погружена в тревожные мысли, что не заметила кружащий по земле кусок бумаги. В отличие от Карнелиуса. Без предупреждения он бросился за ним, выскользнув из шлейки, как самый настоящий Гудини.

– А ну вернись, несносный кот! – закричала Маррилл. – Если мне придётся из-за тебя бегать в такую жару, клянусь, я пущу тебя на варешки!

Его рыжий хвост махнул ей из-под наполовину обрушенного деревянного забора. Уронив шлейку, она бросилась за ним. Карнелиус жил с ней с тех пор, как был ещё котёнком. Он стал первым спасённым ею животным, именно он научил её истинной любви, что наполняет тебя, когда ты спасаешь существо от неопределённого будущего. Он был единственным питомцем, которого ей разрешали брать с собой во все переезды.

А ещё он был её единственным другом.

Порыв ветра подтолкнул Маррилл в спину, приподняв кончики волос над плечами, пока она протискивалась в проём между досками забора. По другую его сторону простиралась пустая парковка торгового центра. Над раскалённым асфальтом клубилось марево, создающее иллюзию бескрайней водной глади.

Она и шага сделать не успела, как мимо неё, подхваченная ветром, порхнула бумага, за которой гонялся Карнелиус. Кот с распушённым как щётка хвостом прыгнул и прижал бумагу к обочине. Маррилл подхватила его. Карнелиус, горящий желанием продолжить охоту, полоснул когтями по её ладони, и девочка поморщилась от боли.

Маррилл крепко прижала кота к себе, надеясь успокоить. Её взгляд упал на бумагу. Она была старой и плотной, с рваными краями и пожелтевшей от времени. Кто-то, искусно владеющий чернилами, детально изобразил на ней нечто вроде звезды.

Она никогда раньше не видела ничего похожего и, ведомая интересом художника, наклонилась, чтобы рассмотреть получше. Но ветер опять подхватил бумагу, и та выскользнула прямо из рук Маррилл. Она потянулась и шагнула с обочины на парковку.

Асфальт всплеснулся.

Маррилл застыла. Она стояла в тёплой воде, которая смывала с её кроссовок налипшую грязь.

- Какого чёрта? - спросила Маррилл сама себя, наморщив лоб.

Ещё секунду назад парковка была сухой, а теперь она была затоплена и напоминала тихое озеро, которое из-за марева, казалось, простиралось до самого горизонта.

Глаза заслезились из-за солнечных бликов на поверхности воды. Маррилл посмотрела по сторонам, пытаясь понять, что же произошло. На её глазах ветер унёс бумагу вдаль.

А затем, хотя казалось, что страннее уже ничего произойти не может, на места для инвалидов из ниоткуда пришвартовался гигантский корабль.

- Бва-а-а! - вырвалось у Маррилл.

Она попятилась по мелководью и моргнула, уверенная, что у неё что-то не так со зрением.

Корабль напоминал пиратский, четыре мачты с парусами и бушприт такой длинный, что он едва не пронзил пластиковую вывеску одного из пустующих магазинов.

- Однако неожиданно, - произнёс голос.

Борясь с головокружением, Маррилл приставила к бровям ладонь, закрывая глаза от слепящего солнца. В нескольких дюжинах футов над ней из-за перил тёмного дерева высунулась голова старика. У него было маленькое круглое лицо, изборождённое морщинами, виднелась, предположительно, длинная белая борода. На одно его ухо падал остроконечный кончик фиолетового колпака.

Заметив Маррилл, старик так далеко высунулся за перила, что она испугалась, как бы он не упал.

- Эй, ты! - закричал он. - Ты случайно не знаешь, что это за течение? Какой берег? Который рукав Реки?

Это всё было слишком. У Маррилл ум за разум заходил от попытки осознать происходящее. В глазах помутилось. Ей стоило огромных усилий не шлёпнуться лицом вперёд в тёплое озеро. Озеро, считанные мгновения назад бывшее парковкой посреди пустыни.

Глава 3. Воры в пирожковой

Фин сидел на крыше посреди Всепродажного квартала и пинал воздух тяжёлыми, ноющими ногами. Он почти чувствовал затылком любопытные взгляды расползающегося по скалистому склону за его спиной лабиринта домов.

Может, он и был мастером-вором Пристани Клучанед, но никто об этом не знал. Никто не подозревал о существовании мастера-вора. Потому что, какое бы великое дело он ни провернул, никто об этом толком не помнил.

До сегодняшнего дня.

М-вору, значилось на письме. Дом Пастернаков, Сточнопротечный переулок, дом 17. Оно было адресовано ему, без сомнений. Фин вскрыл конверт дрожащими от волнения пальцами.

Дорогой мастер-вор, прочёл Фин и подумал, как же масштабно должен мыслить человек, чтобы его слова занимали столько места. Далее шло следующее:

Путь К матери идёт через Дом, но как найти дорогу?

Я подскажу, но Заплатить придётся за подмогу.

Найди Причаливший корабль, что якорь Не бросает.

Богатств он полон, главный Клад Тайник оберегает.

Пронзи ты небо Звёздное, Из сейфа Ключ возьми,

И в логово воров доставь. Остаток заberi.

Поверь, что я тот, Кто Тебя Помнит.

Рядом с подписью была клякса, как если бы с кончика пера писавшего упала капля чернил.

Взгляд Фина сместился к одному слову, при виде которого у него перехватило дыхание и сжалось сердце. Матери. Он закрыл глаза, прокручивая в памяти последнее воспоминание о ней.

Последнее и единственное.

Ему было года четыре, не больше. Он помнил отливающие золотом волны, которые рассекал нос корабля; танцующие вдоль береговой линии огоньки, поднимающуюся из воды тёмную громаду горы, всё выше и выше, до самого звёздного неба.

– Пристань Клучанед, – прошептала мама, и в её устах последнее слово прозвучало очень похоже на «ключа нет». – Твой новый дом.

Разумеется, сейчас Фин знал Пристань вдоль и поперёк: он жил здесь с того самого дня. Но в ту ночь этот город напугал его, и мальчик отчаянно жался к маме. Сейчас он уже не мог вспомнить её лица, лишь разрозненные детали: ниспадающие на плечи чёрные волосы, отражение луны в глазах, контур мягкого круглого носа.

И как безопасно он чувствовал себя рядом с мамой.

Фин вздохнул. Последнее, что он помнил, это как она указала на одну особенно яркую звезду на небе.

– Что бы ни происходило, помни, – сказала ему мама, – пока эта звезда сияет, кто-нибудь где-нибудь будет думать о тебе.

Даже в воспоминании её голос звучал ласково и успокаивающе, как пылающий камин в промозглый день.

Шмыгнув носом, Фин вытер глаза и уставился на письмо. Он ещё раз прочёл его, скользя взглядом по витиеватым буквам. Проникни на корабль, укради ключ, и всё остальное будет твоё. Типичная, по сути, кража, если не вдаваться в детали. Задуманная кем-то, чьи поэтические таланты явно оставляли желать лучшего.

Фину не давала покоя подпись: Тот, кто тебя помнит. Перед тем как заснуть прошлой ночью, он смотрел в окно мансарды на мигающую в небе звезду и думал о мамином обещании, что кто-то где-то думает о нём. И вот неожиданно это оказалось правдой: кто-то где-то на самом деле его помнил. И обещал награду... показать ему путь домой, к маме...

Отказаться от такого предложения было невозможно. Пусть даже Фин подозревал, что написавшего письмо окунули головой в воды Реки.

Фин встал на самом краю крыши, высота в четыре этажа его не пугала. Это работа была слишком важной, чтобы идти на неё вслепую: Фину нужна была информация. А для вора Пристани существовало лишь одно место, где можно было узнать обо всем на свете, – пирожковая Эд и Тэда.

Он побежал по бряцающей черепице и запрыгал по водосточным трубам и желобам на самый верх квартала. Старая пирожковая уютилась на склоне в тени нависающих над ней башен Умопомрачительных высот. Вскоре Фин уже спустился по заросшей спутанными клубками водорослей решётке в проулок, такой крутой и узкий, что его правильнее было бы назвать лестницей, и поднялся до небольшой площади-тупика, на краю которой примостилось «Гастрономическое пирогшество» Эд и Тэда.

Площадь была очень маленькой и всего с одним сквозным проходом. Наверху свирепые ветры дули прямо в склон, порождая закручивающиеся вихри, справиться с которыми могли лишь самые опытные воздухоплователи. Короче говоря, для бизнеса места ужаснее придумать было сложно, но в качестве пристанища для шайки воров оно подходило идеально.

Фин открыл дверь под звон колокольчика. Надпись на окне гласила: «НИКТО НЕ УЙДЁТ С АППЕТИТОМ!» С этим было не поспорить.

Вместо ароматов теста и корицы в пирожковой Эд и Тэда царили стойкие запахи влажной плесени и чего-то горелого. На полках красовались горы липких булочек, помазанных зелёной слизью, и стопки печенья с настоящим живым глазом в центре каждого. И, разумеется, нельзя не упомянуть стоящее на прилавке блюдо с обёрнутыми в фольгу конфетами. Эд и Тэд называли их «знаменитыми шоколадными шипучками». Весь остальной мир знал их как «рвотные пилюли».

Воры очень удачно выбрали место для логова. Фин ни разу не видел здесь ни одного настоящего покупателя.

Эд и Тэд встретили его широкими улыбками и без капли узнавания в глазах.

– Я могу тебе чем-то помочь, молодой человек? – спросила Эд.

Она была молодой и миловидной, по крайней мере по меркам Пристани, то есть почти все зубы у неё были на месте и она редко была вооружена.

– Не сегодня, Эд, – ответил Фин. Приосанившись, стараясь выглядеть значительнее, он сказал пароль: – Я пришёл купить ваших лучших флегмонитей.

Тэд кивнул и указал на кирпичную печь позади:

– Разумеется, дружище. Бери прямо с пылу с жару.

«Вот почему здесь так здорово», – подумалось Фину. В глазах местной банды, вор, не привлекающий внимания, – это хороший вор. По их мнению, раз Фин знал пароль, тот факт, что его никто не помнил, означал лишь, что Фин по-настоящему хорош в своём деле.

Он нырнул под прилавок, прихватив по дороге горсть рвотных пилюль (никогда не знаешь, когда по глупости проглотить яд), и шагнул в тёмную печь. Стоило чуть толкнуть заднюю стенку, и она подалась, открывая вход в воровское логово.

Пара шатких ступенек вела в просторный зал с деревянными столами и ревушим камином в дальнем углу. Воздух гудел от хохота, споров и болтовни. Громилы с руками, как у горилл, соревновались, кто дольше удержит в воздухе зуб, подбрасывая его пружинистыми стельками. Чешуйчатые карманники тренировались вскрывать замки, пока жулики рассказывали басни слушающим их вполуха авантюристам. И почти всё и вся покрывал тонкий слой муки.

Фин улыбнулся и расслабился. Он чувствовал себя здесь как дома.

Он неторопливо прошествовал к столу, за которым наёмники стукались кружками с шайкой разбойников. Все они как на подбор выглядели угрожающе, но Фин их не боялся. В пирожковую впускали проходимцев почти всех мастей, но Ставик, самопровозглашённый пиратский король Пристани Клучанед и бесспорный глава логова, категорически не жаловал убийц. Да и потом воры и пираты всегда крепко держались друг за друга.

– Возьмёте к себе, парни? – спросил Фин, ненадолго привлекая к себе внимание сидящих за столом.

Он изобразил традиционное пиратское приветствие, и ему ответили десять рук в перчатках.

– Устраивайся, брат по воровскому оружию, – приветливо отозвался один. – Подвиньтесь, черти!

Фин постарался проигнорировать радость от того, что его пригласили в компанию, всё равно это не продлится долго. Освободившееся на лавке место едва не скрылось опять, прежде чем он сумел сесть. Но даже это мгновение человеческого тепла было больше, чем Фин ощущал где-либо ещё.

Обычно он просто сидел молча и наслаждался происходящим. Но сегодня ему была нужна информация.

– Так, – начал он, – как насчёт никогда не бросающего якорь корабля, что бросил-таки якорь у нашего причала, а?

Девять пар глаз уставились на него, недоумённо моргая. Фин неуютно поёжился, но тут десятый сидящий за столом заговорил:

– Провалиться мне дважды, а ведь в порт зашла жертва Железного корабля!

Другой пират загоготал:

– Железный корабль – это просто сказки, старый ты олух!

– Не смейся! Это правда! – заспорил третий. – Что ещё могло так побить судно? – Он наклонился вперёд, и в его одиноком глазу вспыхнул безумный огонёк. – Говорят, Железный корабль появляется вместе с жесточайшей бурей, когда сверкают красные молнии. Корабль, сбитый из железа, с командой, собранной из теней. Говорят, его командир – это призрак великого волшебника-демона-пирата-капитана-короля, и он питается душами.

Как обычно бывает на воровских посиделках, одна половина слушателей саркастически хмыкнула, а другая убеждённо закивала.

– Волшебник-демон-пират-капитан-король, ясно, – сказал Фин. – Но что насчёт того корабля, который таки к нам причалил? Который не из железа?

Контрабандист с густой бородой со звоном опустил на стол пивную кружку.

– О, он – это что-то с чем-то. По слухам, он перевозит нечто столь ценное, что никогда не причаливает, болтается постоянно на Реке, где никто до него не доберётся. Ставик один раз пытался угнаться, но даже ему не удалось его взять... – Он умолк и покачал головой. – Но, как я понял, корабль угодил в одну из этих бурь, а Пристань оказалась ближайшей гаванью, подходящей для ремонта. Командир Железного корабля, видать, знатно их потрепал, раз вынудил бросить якорь в таком месте.

Фин кивнул.

– Ремонт – это хорошо. А как выглядит этот корабль? Его хорошо охраняют? – Он кашлянул. – Спрашиваю для друга.

– Ну, ты его не пропустишь, – сказал первый пират. – Судна диковиннее я ещё не видывал. А что насчёт кто на борту... – Он наклонился и понизил голос. – Тебе придётся спросить Ставика.

Остальные сидящие за столом сглотнули.

– Я бы на твоём месте не стал, – пробормотал один из них.

Фин улыбнулся.

– Обо мне не волнуйтесь...

Он осторожно поднялся. Не то чтобы они правда станут за него волноваться. Потому что практически в тот же миг, как эти слова слетели с его языка, наёмники и разбойники напрочь о нём забыли.

– Со Ставиком я справлюсь, – добавил он себе под нос.

Держа спину прямой, он направился в дальнюю часть зала, где пиратский король сидел на своём троне – отполированном стуле, составленном из носовых фигур захваченных им кораблей. Ставик был худым и угловатым и будто свитым из туго натянутой проволоки. Почти всю его кожу покрывали шрамы, которые он и не пытался скрывать.

Одевался он просто, в жилетку и штаны, сшитые из куска драконьей шкуры. По легенде, Ставик был таким ловким вором, что ему удалось срезать шкуру с живого дракона, и чудовище так никогда и не узнало о пропаже. Неудивительно, что остальные воры его боялись.

Но Фину Ставик нравился. Именно он научил его воровскому искусству, хотя сам пиратский король этого не помнил.

Когда Фину было семь, у него ушли месяцы, чтобы добиться правильной смеси бравады и уважительности, необходимой для аудиенции со Ставиком. На его плечах, должно быть, до сих пор остались синяки от бесчисленных рук, что вышвыривали его на улицу. Но каждый день он возвращался, и всякий раз он был незнакомцем в глазах воров. И каждый день он учился, как себя вести, пока однажды Ставик не сказал: «Оставьте его. Мне по нутру этот малец», – и не согласился научить его паре хитростей.

С тех пор Фин раз за разом повторял ту самую сцену, начиная всё заново, пока не перенял все умения Ставика. Он и сейчас время от времени это практиковал, чтобы освежить в памяти старые уроки. И ему нравилось проводить время с главарём бандитов.

Расправив плечи, но почтительно опустив взгляд, Фин подошёл к полированному стулу и остановился ровно за мгновение до того, как на его плечо опустилась бы тяжёлая ладонь.

– Оставь его, – произнёс Ставик голосом, похожим на лезвие старой ржавой бритвы. – Мне по нутру, как парень себя держит. Походка уверенная, но место своё знает. Легко теряется из виду. Почти и не видел его, пока он не вышел вперёд. Вор из него достойный. – Он сощурился на Фина. – И кто же, дьяволы тебя дери, ты такой?

– Всего лишь ученик, – ответил Фин. Он по опыту знал, что попытки убедить людей, что мальчик перед ними – настоящий мастер-вор, обычно заканчивались ничем. – Мой босс просил упомянуть взлом банка «Слепой жук» и ограбление «Хохочущей подливы».

Он быстро поискал по карманам и продемонстрировал в качестве доказательства красную монету с выгравированным жуком.

Ставик почти не изменился в лице, но безобразный красный шрам на его подбородке дрогнул – верный признак глубоких размышлений.

– Ну ладно, – сказал он. – Так чего хочет твой босс?

– Я... э-эм, в смысле, он спрашивает насчёт того странного корабля в гавани.

– Справедливо, – отозвался Ставик. – Кто-то должен обчистить эту посудину.

Само собой разумеется, он ожидал получить долю от добычи. Фин энергично закивал: если письмо не лгало, ему будет чем отблагодарить Ставика с обещанного богатого куша.

Взгляд Ставика стрельнул по сторонам, и он заговорил тише:

– Корабль принадлежит Мерессианскому ордену. Слышал о них?

Фин помотал головой.

– Неудивительно, – продолжил Ставик. – Это какой-то культ, проклюнувшийся пару столетий назад. Они десятилетиями записывали всё, что болтал их пророк, что-то насчёт предсказания, и будущего, и прочей лабуды из серии грядущего конца света. – Он приподнял одно плечо. – Короче, в какой-то момент они что-то не поделили со своим пророком, тот их кинул, и о культе вроде как забыли. Но ходит слух, что самые ненормальные члены культа до сих пор пытаются всеми силами предотвратить исполнение того пророчества. Они собирают вещи, связанные с пророчеством: реликвии, антиквариат и всякого рода ценности. – Его губы растянулись в улыбке. – Не знаю, как у тебя с математикой, но учти, что они промышляют этим уже лет двести. И всё хранится на корабле. Поэтому они

никогда не покидают Реку.

На лице Фина тоже расцвела улыбка:

– Но сейчас они здесь...

– Придержи паруса, – осадил его Ставик. – Эти ребята знают, как охранять своё добро. Я один раз пробовал, вышло не очень хорошо. Конечно, мы тогда были на открытой Реке, но, стоя на якоре, они наверняка будут смотреть в оба. Я слышал, охранники на палубах все сплошь профи, отвлечь их невозможно. А пройдёшь их, так дальше ещё хуже, патрули повсюду. И всякие хитромудрые ловушки. Твоему боссу придётся о-о-очень постараться.

– Он постарается, – с гордостью подтвердил Фин, в голове которого уже начал формироваться план.

– Уж хотелось бы, – сказал Ставик. – Он будет не первый. – Он откинулся на спинку своего трофейного стула и сплёл вместе пальцы. – У меня всё.

Фин кивнул, быстро поклонился и развернулся, готовый уйти. Пора была отправляться на дело.

– Эй, парень, – позвал Ставик.

Фин обернулся.

– Если твоему боссу удастся вскрыть этот орешек, скажи ему захватить для меня что-нибудь стоящее. И я научу тебя, как вскрывать замки кончиком ножа.

Разумеется, Ставик уже показывал Фину этот трюк. Три года назад. И ещё пять раз потом.

– Буду рад, – сказал Фин.

Глава 4. Не приставай к моллюскам

Корабль на парковке нависал над Маррилл, и она чувствовала себя крошечной в сравнении с ним. Какая-то часть её хотела прошлёпать ближе, коснуться корпуса, чтобы убедиться в его реальности. Другая часть призывала убраться как можно дальше.

Девочка посмотрела по сторонам. Как бы ей хотелось, чтобы папа или мама сейчас были здесь, они бы знали, что делать. Или хотя бы братья Хатчи – они бы могли сказать, что у неё галлюцинации. Но рядом никого не было. Только Карнелиус, и омывающая кожу прохладная вода, и пиратский корабль. Маррилл были видны окна на его боку, уходящие рядами дальше по борту, но они все были закрыты ставнями или заросли солевыми корками. Единственным человеком был высунувшийся из-за перил и выжидающе смотрящий на неё старик.

– Кажется, она глухая, – сказал он кому-то невидимому. – Или же она только что подменила себя своей точной копией, сделанной из пупочного пуха. Если так, то нам повезло: я практически уверен, что уже бывал в этих краях.

Маррилл моргнула, сообразив, что он говорит о ней. Она знала, что должна что-то сказать, но не была уверена, что именно.

– Эм... добрый день! – Она нервно сглотнула. – Я вас не понимаю. Как и того, что происходит, и... вообще-то ничего, если честно.

Белобородый старик повернулся назад к ней и приподнял бровь.

– Не глухая. И пух из пупка тут ни при чём, – со смутным разочарованием в голове сообщил он невидимому компаньону. – К счастью для тебя, разумеется! – добавил он уже для Маррилл.

Она растерянно на него уставилась.

– В общем, как ты, наверное, уже поняла, мы немного заплутали. Не могла бы ты нам подсказать, в какое русло Реки мы забрели?

Она понятия не имела, о чём он говорил. Они находились в пустыне, никаких рек и прочих водоёмов здесь не было и в помине. Если не считать этого озера, но она его упоминать не стала, потому что... ну потому, что его не должно было здесь быть.

Вот только оно было, и она стояла в нём. Мелкие волны плескали о лодыжки, и, наклонив голову под определённым углом, она могла различить под поверхностью воды разметку парковки.

Маррилл моргнула, пытаясь припомнить вопрос.

– Какое русло чего?

– Она не знает, где мы, – крикнул старик себе за плечо.

– Я и не надеялся, – отозвался другой голос.

Маррилл открыла рот. Её переполняли вопросы, но она никак не могла решить, какой задать первым. Прежде чем она успела издать хоть звук, старик скрылся из виду.

Она тряхнула головой.

– Полагаю, ты тоже не понимаешь, что происходит? – спросила она Карнелиуса.

Тот сердито покосился на неё одним глазом. Его шерсть всё ещё стояла дыбом, и он не переставал утробно рычать.

Маррилл не имела ни малейшего представления, с какой стороны подойти к сложившейся ситуации. Ей вспомнились мамины слова о нырянии с головой, пусть даже поначалу это может пугать. Маррилл глубоко вздохнула, собралась и побрела к кораблю. Запрокинув голову, она крикнула:

– Мистер!.. – Помедлив, она попробовала ещё раз: – Мистер сэръ?

Старик опять высунулся.

– Ты всё ещё здесь? – спросил он и нахмурился. – Точнее, мы всё ещё здесь. Хм-м. Неожиданно.

Он побарабанил пальцами по перилам.

– Ловко у вас получилось, – осмелилась она. – Раз – и корабль появился будто из ниоткуда. Вы что, фокусники или ещё кто?

– Волшебник, вообще-то, – сказал старик. – Но вопрос хороший. Моя очередь: тебе случайно не доводилось подмечать приметный кусочек карты?

Маррилл предположить не могла, о чём он.

– Э-эм?..

– Скажи, что это старый кусок бумаги! – крикнул некто невидимый.

На лице старика мелькнуло раздражение, затем он опять повернулся к ней.

– Может, кусок пергамента? Где-нибудь в этих краях? Видела что-нибудь похожее?

Маррилл почесала носком левой кроссовки правую лодыжку, где вода щекотала кожу.

– Я... – Её мозг застопорился на первой части их диалога. – Погодите, вы сказали, что вы волшебник?

Его смех звучал, как если бы был по вкусу как облако, лёгкий, перистый и немного влажный. Что было странно, потому что раньше Маррилл никогда не задумывалась, каковы облака на вкус. Она была вынуждена признать, что ощущение было волшебное, и у неё мурашки побежали по коже.

– О да, определённо! – отозвался старик. – Но вернёмся к моему вопросу о карте: есть идеи?

- Э-эм...

Маррилл перехватила Карнелиуса поудобнее и поморщилась от боли из-за царапин на ладони. Если она ему подыграет, возможно, ей удастся докопаться до истины. Ну или, по крайней мере, ей будет что рассказать маме сегодня за ужином.

Но делиться информацией старик не спешил. Маррилл минуту подумала, просчитывая свой следующий ход. И её осенило.

- Давайте так: если я отвечу на один ваш вопрос, согласны ответить на один мой?

- Да! - крикнул старик. - Что ж, мой черёд. Отвечай на мой вопрос.

- Что? - растерялась Маррилл и потёрла затекшую шею. Внезапно до неё дошло. Он ответил на её вопрос. Она сердито топнула, но добилась лишь того, что обрызгала себя. - Так нечестно!

- Нечестно? - задумчиво переспросил старик. - Что ж, возможно, но ты сама установила правила. Кроме того, беседуя с волшебником, нужно тщательно формулировать фразы. Ты не захочешь получить голову, полную кроликов, пожелав избавиться от лысины. Прокормить их будет не так-то легко, знаешь ли.

Он осёкся, затем тряхнул головой и вновь опустил взгляд на Маррилл.

- Так ты видела где-нибудь поблизости кусок бумаги?

Маррилл прищурилась, внезапно сообразив, что она подошла к разговору с позиции нормальности, тогда как ничего из случившегося этим днём нельзя было даже отдалённо отнести к нормальному. Она секунду подумала и улыбнулась.

- Да, я видела кусок бумаги, - просто сказала Маррилл.

Старик выжидающе на неё смотрел.

– Мы договаривались вопрос на вопрос, – торжествующе напомнила она. – Теперь, если вы не против и дальше соблюдать эти условия, уверена, у меня найдётся для вас вопрос.

Из-за спины старика донёлся смех.

– Она тебя сделала, Ардент, – заметил невидимый некто.

Маррилл с трудом подавила хихиканье.

– Не поспоришь! – согласился старик (Ардент, по всей видимости). – Я принимаю твои условия, юная леди, но первый вопрос за мной. Ты случайно не знаешь, где сейчас та бумага?

– В последний раз, когда я её видела, она улетела в том направлении, – сказала девочка, кивнув подбородком за корабль, на мерцающий горизонт.

Старик проследил за её взглядом. Затем ни с того ни с сего закричал на своего компаньона:

– Колл! Разворачивай! Отчаливаем или как вы, моряки, сейчас это называете!

В недрах судна что-то глухо заскрежетало, будто корабль в попытке сориентироваться на мелководье тяжело застонал. От его корпуса поднялись волны, едва не сбившие Маррилл с ног. Корабль закачался, и невидимка – Колл – крикнул:

– Извини! Река мелкая, течения почти нет. Можем застрять на минуту.

Маррилл перехватила Карнелиуса, чтобы освободить одну руку.

– Подождите! – замахала она, привлекая внимание волшебника. – Вы не ответили на мой вопрос! Откуда вы прибыли?

Старик посмотрел на неё и улыбнулся.

– О, из Пиратской Реки, разумеется!

И ушёл.

– Стойте! – закричала опять Маррилл. – Что всё это вообще значит?

Корабль снова качнулся, и новая волна поднялась до края шорт Маррилл и плеснула по пустым витринам у неё за спиной.

– Эй! – позвала она в сторону пустого ограждения.

Она осторожно пошла вперёд, шаркая подошвами по асфальту под водой из страха внезапно потерять опору. Но этого так и не случилось. Даже у самого корабля вода доходила ей лишь до колен.

Она осмотрела корпус, пытаясь понять, как такое огромное судно могло плавать в таком мелководье. Влажное дерево обросло раковинами моллюсков, они были прямо у неё перед носом, и вдруг до Маррилл дошло, что они на неё смотрят.

Она наклонилась ближе. Из переливающихся, будто покрытых блёстками, радужно-бирюзовых раковин высунулись зелёные моллюски. С глазами. И перьями. Она изумлённо моргнула. Маленькие создания в ответ тихо зачирикали и спрятались, оставив снаружи лишь коротенькие кружевные оборки мантии.

Маррилл мысленно перебрала содержимое прочитанных ею дюжин книг о самых странных животных, существующих в природе, но не смогла вспомнить ничего похожего.

Карнелиус отцепил когти от футболки Маррилл, чтобы замахнуться на одного из моллюсков. Она быстро потянула его назад, пока он не успел никому навредить, и тихо проговорила:

– Плохой кот!

Хотя она была вынуждена признать, что, глядя на этих радужных созданий, ей самой не терпелось к ним прикоснуться.

Она сжала кулаки, борясь с искушением. Но оно было слишком велико. Всё это было слишком странным. И она осторожно поднесла один палец к оборке мантии. Загадочный моллюск пискнул и высунулся из раковины.

– Привет, маленький, – умилилась Маррилл и хихикнула, когда его перья пощекотали её кожу.

– О нет, – раздался сверху голос, напугав её. – Они же до тебя не дотронулись, нет?

Старик смотрел на неё, опасно перевесившись через перила.

– Я... – Она проворно убрала руку за спину и хотела уже соврать, но что-то в выражении его лица заставило её занервничать. – Совсем недолго.

– О нет, – повторил Ардент и нахмурился.

Пульс Маррилл резко подскочил. Что-то подсказывало ей, что она поступила крайне опрометчиво.

– А что? Почему к ним нельзя прикасаться?

Старик прочистил горло и, неловко улыбнувшись, ответил:

– Отчего же, прикасаться к ним можно. Но раз уж зашёл разговор: у тебя случайно нет аллергии на яд?

Глава 5. Охрана и другой неэффективный труд

Большинство считало охрану делом скучным. Но не Требух. Караульная служба была у него в крови. Его род уходил корнями в незапамятные времена, когда Требух Первый охранял последнюю во всей Спешильской империи бадью с

мёдом от армии злых пчёл. Его родной отец, Требух Старший, был почётным караульщиком моста Святого Нилгигди, что уберёг империю от растенеживотных наездников сцинков из Длиннозубных королевств. Требух сам когда-то охранял имперскую сокровищницу, пока страну не захватили растенеживотные. И пусть сейчас Спешильская империя лежала в обжитых сцинками руинах, Требух остался охранником.

Только теперь он работал на Мерессианский орден, который очень вовремя спас некоторые великие реликвии империи от грязных руколов растенеживотных. Требух был им благодарен, хотя нынешняя его служба проигрывала в сравнении со старой. Корабль-храм держался глубинных вод Реки, и хотя он честно совершал обход по палубе и хмурился на малейшую подозрительную тень на горизонте, это едва ли можно было назвать охраной. Во всяком случае, так было до недавнего времени.

Причал заливали яркие лучи солнца, вынуждая Требуха щуриться. Его напарник, Месива, стоял рядом и с настороженным видом обозревал ветхие дома Пристани Клучанед, теснящиеся к докам, подобно шайке разбойников, выжидающих удобный момент для атаки. Это был воровской рай, логово контрабандистов и пиратов, не знающих моральных принципов и границ. Короче говоря, это была идеальная среда для возникновения ситуаций, когда охрана просто необходима, и Требух смотрел в оба.

– Привет! – пискнул кто-то сбоку.

Требух подпрыгнул от неожиданности. Опустив взгляд, он увидел худого смуглого мальчика с тёмными волосами. Как ему удалось пробраться на корабль незамеченным? Требух кашлянул, маскируя стыд.

– Ты кто? – спросил он, наградив мальчика самым угрожающим взглядом из своего арсенала.

Тот пожал плечами.

– Просто мальчик. Но вы явно меня не помните, да?

Требух посмотрел на Месиву. Тот развёл руками.

– А должны? – спросил он.

– Да нет, – отозвался мальчик и улыбнулся им такой открытой и невинной улыбкой, что Требух сразу расслабился. Не настолько, чтобы забыть о службе, разумеется, но тем не менее. – Видели когда-нибудь морскую бабочку? – спросил он.

Вопрос показался Требуху странным. Он поднял глаза к небу и почесал подбородок. Над их головами мачты корабля-храма сплетались миллионами ветвей, каждую покрывали паруса, крошечные, как листочки. Они всегда напоминали ему крылья бабочек. Морских бабочек Спешильской империи, если точнее. У Требуха было смутное чувство, что он не так давно уже кому-то об этом говорил.

– Забавно, что ты об этом спросил, – сказал он. – В детстве я обожаю этих маленьких надоед. – Он хлопнул Месиву по руке: – Видел хоть раз одну?

Месива покосился на него и быстро отвёл взгляд.

– Мы на службе, – прошипел он. Затем смущённо добавил: – Но нет, хотя всегда хотел.

– Тебе повезло, – улыбнулся мальчик и достал из поясной сумки маленькую стеклянную банку. Внутри плескалась ярко-голубая жидкость. – Сегодня на причал как раз сгружали их поставку, и мне удалось умыкнуть одну.

– Вроде мы недавно уже с кем-то об этом говорили? – спросил Месива.

– Тс-с-с! – зашипел Требух, пока мальчик откручивал крышку. Он наклонился вперёд в предвкушении.

Мальчик действовал неторопливо, с грацией опытного циркача. Он резко повернул банку, и крышка отскочила с громким хлопком.

Требух и Месива затаили дыхание. Ничего не произошло.

– Стеснительная, – нервно улыбнулся мальчик.

И тут жидкость сгустилась и собралась в шар. Сначала сформировалась одна длинная лапка, затем ещё одна и ещё. Требух буквально дрожал от возбуждения: это на самом деле была морская бабочка! Красавица вылезла из банки, села на ободок и, слегка подрагивая на ветру, расправила мерцающие голубые крылышки.

– Ничего себе! – наклонился Месива. – Она такая красивая...

Он вытянул палец, чтобы погладить просвечивающееся крыло.

Требух схватил его за руку и гаркнул:

– Осторожно, Месива! Их легко напугать. Коснёшься не так, и она обратится в солёную воду!

Краем глаза он едва заметил, как мальчик кивнул и выронил банку.

Бабочка вспорхнула в поисках нового насеста. Требух пригнулся. Месива не успел. Она опустилась ему на нос, потревожив крыльями кончики его ресниц.

– Не... шевелись... – прошептал Требух.

Месива корчился от каждого движения крыльев. Его лицо сморщилось. Глаза затопила паника. Что-то надвигалось. Требух задержал дыхание.

Казалось, Месива сейчас заплачет. А затем он не мог больше терпеть. Он чихнул.

Требух взвизгнул – перепуганная морская бабочка плеснула на лицо Месиве горстью солёной воды.

– Кому сказал – не трогать! – закричал он и шлёпнул по рукам Месиву, когда тот попытался вытереть лицо. – Не пугай её, иначе она больше никогда не появится!

– Я ничего не делал! – запротестовал Месива с красными и слезящимися от солёной воды глазами.

Требух суетился вокруг, полный решимости спасти бабочку. На секунду они оба совершенно забыли о караульных обязанностях.

И этой секунды хватило, чтобы Фин прошмыгнул мимо (и выскользнул из их воспоминаний) на мерессианский корабль.

* * *

Фин ничего не мог с собой поделаться: он улыбался. У него ушло почти всё утро, чтобы раз за разом во время повторяющейся болтовни выяснить у этих двоих их слабости. Но оно того стоило. Ну у них и лица были!

Поднимаясь по доске, Фин осматривал мерессианский корабль-храм. Он был почти полностью сделан из занудуба, разумеется. Занудубная древесина была самым скучным материалом во всём мире, настолько, что даже магия Пиратской Реки её не брала. Поэтому в плавании по Реке эта древесина была незаменима. «На курице далеко не уплывёшь», – поговаривали моряки на причале, и все вокруг горячо кивали: всегда находились глупцы, пытающиеся выйти в воды Реки на лодке из обычного дерева, да только она очень быстро обрастала перьями.

Но занудубная древесина была единственной занудной деталью этого корабля. Живя в одном из самых оживлённых портов Пиратской Реки, Фин успел повидать немало странных судов. Но обычно корабли всё же выглядели как корабли. Этот же скорее напоминал лес.

Во-первых, судно было круглым, как чаша. Во-вторых, мачты стояли без всякого порядка, будто выросли из палубы, и их реи-ветви переплетались, создавая крону из маленьких парусов. Всю поверхность корабля от ватерлинии до верхушек мачт покрывала резьба, изображающая странные места, странных людей и вещи, о которых Фин никогда не слышал.

Рисунки немного пугали, это точно, зато лазить по кораблю было одно удовольствие. И жутковатая резьба устраивала Фина куда больше, чем перспектива прокрадываться мимо патрульных. Он прополз вдоль уродливой рыбины верхом на коне с павлиньим хвостом и нырнул в ближайший оружейный порт.

Ему в лицо пахнуло чем-то острым и пряным. Это явно был камбуз. Каюта была заставлена низкими обеденными столами, на полках вдоль стен теснились бутылки с пряностями, а в центре булькал огромный металлический котёл с табличкой ВОРОВСКОЕ РАГУ.

Фин сглотнул: «Очень смешно». Затем его посетила хулиганская идея. Что бы на самом деле ни варилось в этом котле, оно пойдёт экипажу на ужин. Фин порыскал по карманам куртки и нашёл рвотные пилюли Эд и Тэда. Развернув парочку, он с озорной улыбкой бросил их в булькающую жижу и хихикнул:

– Вот это я понимаю – воровское рагу.

Он уже хотел выйти за дверь, когда услышал снаружи:

– Выгоняй рабочих.

Фин вжался в стену и затаил дыхание, стараясь стать как можно тише и незаметнее.

– Они ещё не всё починили, – сказал второй голос. – И скоро обед, мы...

– У нас нет выбора, – перебил первый голос, хриплый и густой, он будто тёркой царапал уши Фина. – Прошёл слух, что Оракул уже в Пристани. Нельзя допустить, чтобы он поднялся на борт. Отчаливаем немедленно.

Фин опять сглотнул и сместился чуть в сторону, где он мог видеть отражения говорящих в стоящих у дальней стены кастрюлях. Первый голос принадлежал высокому худому существу, чьё тело покрывали смертельно опасные на вид колючки.

«В компанию его явно редко зовут», – подумал Фин.

– Мы вообще не должны были бросать здесь якорь, – продолжил колючий охранник. – Каждый карманник этого города днями напролет пожирает нас глазами, как жареного цыплёнка.

– Ну хотя бы погода хорошая, – попытался ободрить его собеседник, громила с лицом, больше напоминающим бычью морду.

Человек-колючка устало покачал головой.

– Я не питаю надежды, что Оракул решит устроить пикник. А теперь шевелись! – приказал он и ушёл.

Парень с бычьей мордой двинулся за ним, затем остановился и свернул на камбуз.

– От одной ложечки ни с кого не убудет, – сказал он в никуда и на цыпочках прокрался к котлу с воровским рагу.

Фин распластался по стене, абсолютно неподвижный. Бычья Морда зачерпнул ложкой ароматную жижу и издал протяжное флюу-у-у-урп. Чмокнул пару раз губами и направился назад к двери. На выходе он громко и удовлетворенно рыгнул и скрылся из виду.

«Я почти попался», – подумал Фин. У него едва не подкосились колени. Он подождал, пока пульс не придёт в норму, затем тоже выскользнул из камбуза и открыл узкую дверь в конце коридора.

За ней начинался мостик, тянувшийся через открытое пространство высотой в несколько палуб и площадью почти во весь корабль. Горящие внизу курильницы отбрасывали красно-оранжевые всполохи на гигантские мачты, что пронзали кварталдек и уходили вниз до самого корпуса.

В центре стояла огромная статуя мужчины в белой мантии, держащего большой золотой сосуд, едва не касающийся потолка. А несколькими палубами ниже от края чаши в полу был бассейн, в воде которого отражалось пламя курильниц.

Но даже не это привлекло внимание Фина. Потому что вся эта огромная галерея была заставлена сотнями витрин, полных всевозможных ценностей. Он никогда не видел сокровищницы таких размеров.

У Фина едва слюнки не потекли при виде всего этого. Он постарался собраться. Письмо не врало насчёт ожидающего его здесь богатства. Но сначала он должен был найти ключ. А согласно письму, ключ был спрятан в каком-то сейфе вместе с главным кладом.

Фин посмотрел по сторонам в поисках чего-то похожего на сейф или упомянутое в письме звёздное небо. Ничего. Не то чтобы он ожидал чего-то иного: это было бы слишком просто. Если он хочет узнать, где его мама, ему придётся спуститься и отыскать главные корабельные ценности. Он оглянулся, прикидывая, как было бы быстрее всего добраться до нижней палубы.

Тянущиеся во все стороны мостки и лестницы создавали многоярусный лабиринт. И каждый переход и перекрёсток, как Фин быстро заметил, были заняты охранниками в фиолетовой форме. Все они направлялись в его сторону: близилось время обеда, а камбуз был прямо позади Фина.

Нельзя было терять время, и бежать тоже было некуда. У него не осталось выбора: он перепрыгнул через верёвочное ограждение и ухнул в темноту.

Каждый сирота Пристани Клучанед умел три вещи. Первое – это лазить. Не сосчитать, сколько раз Фин висел вниз спиной на самодельных арках, терпя дрожь и боль в мышцах рук и ног в ожидании, пока толпа (или городской караульный, или его очередная разгневанная жертва) не скроется вдали. Он вознёс мысленную хвалу всем тем неприятным воспоминаниям, глядя на проходящих под ним охранников, спешащих отведать воровское рагу.

Фин улыбнулся. Они понятия не имели, что их ждёт.

Дождавшись, когда опасность минует, Фин начал медленно и осторожно спускаться с одного мостика на другой. Наконец он спрыгнул на нижнюю палубу, прямо перед дорожкой на вид витриной. Он не смог удержаться и заглянул внутрь.

Его взору предстала пара красивых ножей – начищенные лезвия, украшенные жемчугом рукояти. Идеальны для лазанья, взлома и прочих превратностей воровского дела. Фин знал, что риск не стоил свеч: его ждали ключ и главные сокровища. Но он же должен был принести что-то в подарок Ставику...

– Возьму их, – шепнул себе под нос Фин.

Быстрая проверка витрины выявила тончайшую нить, убегающую в маленькую дырочку в основании пузырька, полного фиолетового дыма. Чихобриз.

Ставик был прав, эти ребята на мелочи не разменивались. Один из воров пирожковой как-то раз схлопотал этой штукой в лицо. До того дня все звали его Джеком Носатым. Сейчас он был известен как Джек Безносый.

Очень осторожно Фин отвязал и опустил нить, после чего поднял стеклянную крышку витрины. Убирая трофейные ножи за пояс, Фин усмехнулся, чувствуя себя ловким и умным, как и подобает мастеру-вору.

«А теперь за настоящими сокровищами».

Он повернулся и врезался в стену.

– Умф! – охнул он, попятившись.

– Попался, – прорычала стена.

Глава 6. Маррилл отращивает перья

– Яд? – переспросила Маррилл.

Во рту резко пересохло. Борясь с тошнотой, она опустила взгляд на свою руку. Кончик её пальца светился бледно-зелёным в том месте, где она коснулась существа из раковины. И это свечение быстро распространялось по ладони и дальше, по запястью. Ноги Маррилл задрожали, породив рябь на воде.

– О, да ничего страшного, – сказал Ардент с палубы.

На взгляд Маррилл, происходящее сложно было назвать как-то иначе, чем ужасно страшное. Она вытянула руку, глядя на расплывающееся по предплечью зелёное свечение. Её пальцы зашипело и будто закололо, как от статического электричества. Карнелиус зашипел.

– Но просто на всякий случай, – добавил Ардент, – никуда не уходи. – Крякнув, он перебросил ногу через перила и потянулся к болтающейся рядом верёвочной лестнице. Край его фиолетовой мантии затрепетал. – И ни в коем случае не думай о словах с буквой «х»!

В её голове немедленно забурлили эти самые слова.

«Всё будет хорошо», – подумала она.

Зелёные нити ускорились и уже почти добрались до локтя.

Она закусила губу и постаралась дышать спокойно и размеренно.

– Вдох, – прошептала она. – Выдох.

И взвизгнула: зелень распространилась ещё дальше. Кожа на руке отяжелела и онемела, в костях пульсировал жар.

– Что происходит? – закричала Маррилл.

– Зависит от того, насколько ты человек, – ответил старик, спрыгнув в воду перед ней. Он потянулся к её руке. – Позволишь?

Маррилл моргнула и кивнула, потому что не знала, что ещё делать. Её пальцы вибрировали, рука светилась, и все её силы уходили на то, чтобы устоять на ногах и не уронить Карнелиуса. Карни ненавидел воду. Если он намокнет, то всё станет ещё только хуже.

Ардент мягко коснулся её руки и цокнул языком, глядя на распространяющуюся зелень. Царапины от когтей Карнелиуса успели почернеть, и из них потекла густая фиолетовая слизь. Желудок Маррилл съёжился, и она невольно отвела взгляд.

– Судя по реакции, ты как минимум очень человечна, – задумчиво произнёс Ардент. – В чём приятно убедиться, не так ли?

Он ласково, по-отечески улыбнулся.

– Что со мной будет? – дрожащим голосом спросила она, покосившись на свою руку, но, увидев перья на запястье, тут же зажмурилась.

Папа сказал, что маме нельзя волноваться. Маррилл не сомневалась, что внезапно оперившаяся дочь вызовет прямо противоположный эффект.

Если она доживёт до того момента, как вернётся домой.

Старик крепко сжал её руку, и на краткий миг по коже пробежала тёплая волна. Ей вспомнилось то странное чувство перед самым ударом молнии, когда по шее сзади пробегает холодок, а во рту появляется привкус старых монет. Карнелиус дико забился у неё в руках.

Она тоже поёжилась: сгиб локтя защекотало. А затем... всё прошло. Тяжесть, дрожь, боль – всё это исчезло.

– Как новенькая, – объявил Ардент и потрогал её пальцы.

Маррилл медленно открыла глаза, глянула на свою руку и ахнула: её кожа снова стала нормальной, ни единого зелёного пятнышка! На запястье больше не было перьев. И, что самое удивительное, от царапин тоже не осталось следа.

Она несколько раз сжала и разжала пальцы. Будто ничего и не было. Но тут она заметила что-то на поверхности воды. Наклонившись, девочка поймала это и изумлённо уставилась на мокрое перо. Точно такие же секунду назад росли вокруг её запястья.

Ардент уже шлёпал назад к лестнице. Она поспешила за ним.

– Как вы это сделали? – спросила Маррилл с круглыми от шока и растерянности глазами.

– Я тебе уже говорил, – бросил он через плечо. – Я волшебник. – Он начал взбираться по борту корабля. – Колл, что-то не вижу, чтобы мы двигались!

Маррилл нахмурилась. Это ничего не объясняло. Ведь волшебников не бывает.

– Я не понимаю! – крикнула она.

– Я тебя исцелил, что же ещё! – ответил он. – С помощью магии! Вот чем я занимаюсь. Магией, не исцелением. Хотя порой и тем и тем.

Старик схватился за перила, перемахнул через борт и скрылся из виду.

Маррилл посмотрела на перо в своей руке. Магия. Настоящая магия. Возможно, если бы дело было в позеленевшей коже, она бы смогла списать всё на иллюзию, или на чрезмерное проявление животного защитного механизма, или на выходку перегревшегося мозга.

Но это не объясняло царапин. Карни хорошо по ней полоснул, они были настоящими и глубокими, даже сейчас в складочках ладони виднелись следы крови. Но сама кожа выглядела целой и невредимой.

Каким-то образом Ардент её исцелил. И хотя это было невозможно, другого объяснения она не могла придумать. А раз он смог исцелить её... Что, если Ардент сказал правду? Если он на самом деле волшебник – и разве её ладонь не служила тому доказательством? – тогда он действительно был способен лечить людей. И, возможно, он может исцелить не только её.

Он мог исцелить её маму! Или научить Маррилл, как это делать! И тогда им не придётся оставаться в Фениксе, и все будут здоровы и счастливы, и опять отправятся в путешествие, втроём, навстречу новым приключениям, и всё станет как раньше. Она едва не запрыгала от радости. Она вернёт свою прежнюю жизнь. И самое главное – мама снова всегда будет рядом!

Маррилл схватилась за верёвочную лестницу.

– Эй! Подождите! Я хочу кое о чём у вас спросить!

Она быстро выяснила, что взбираться по лестнице, держась одной рукой, особенно если другая держит кота, который не в восторге как от высоты, так и от больших объёмов воды, – это совсем нелегко. Поэтому когда она наконец забралась наверх, то едва не задохнулась и без сил перевалилась через перила.

Перед ней тянулась просторная верхняя палуба, поднимающаяся к носу и к корме, прямо как на моделях старинных кораблей, с кают-компанией в дальней части. Ардент был уже далеко, и Маррилл побежала за ним по широким доскам.

– Вы сказали, что умеете лечить людей! – выпалила она.

Волшебник развернулся на середине узкой лестницы, ведущей на кормовую палубу, и визгливо вскрикнул, удивлённый её неожиданным появлением. Ну по крайней мере не только ей одной было не по себе.

– О! Что ж. О. – Он кашлянул. – О! Это ты. Та самая. Как... неожиданно. Не правда ли неожиданно, Колл?

Ардент повернулся, и Маррилл стал виден огромный деревянный штурвал, за которым стоял юноша на пару лет старше её самой. Он был высоким и худощавым, будто его кто-то растянул: одни локти да колени и тёмная, очень тёмная кожа. Маррилл моргнула, затем ещё раз – из их переговоров со стариком она представляла себе Колла намного старше.

– Мы не планировали подбирать «зайцев», – пробормотал Ардент, дёргая себя за длинную белую бороду. – У нас есть на этот случай протокол?

Ответ Колла был больше похож на бурчание:

– Карцер?

Прежде чем они успели ещё что-нибудь добавить, Маррилл встала прямо перед волшебником.

– Вы можете лечить людей?

Она всё ещё чувствовала себя немного глупо, что поверила в подобное, и была готова, что её сейчас поднимут на смех.

Вместо этого Ардент нахмурился и ответил:

– Магия может лечить людей. – И с усмешкой добавил: – Если того пожелает.

– Какие есть ограничения? В смысле вы можете вылечить всё, что угодно? А как насчёт очень серьёзных болезней? – Она попыталась придумать какую-нибудь страшную травму, потому что если он мог исцелить её, то и всё остальное тоже. – Если мне отрежут руку, вы сможете приделать её назад?

– Хм-м, – замычал он, поведя взглядом из стороны в сторону. – Которую руку?

Маррилл моргнула.

– А это важно? Рука – это все равно рука, какая бы она ни была, разве нет?

– Полагаю, это было бы важно для тебя, – сказал он.

– Но вы можете исправить подобное? – спросила она и затаила дыхание в ожидании ответа.

– Вероятно, – ответила Ардент. – Разумеется, при наличии руки. И это будет зависеть от течения Реки, и какое у магии будет настроение в этот день, и часто от полумезоферического сжатия...

Дальше Маррилл не слушала, так как всё равно ничего не понимала. Но это было не важно. Ответ она получила: у её мамы был шанс на исцеление.

– Мне нужно назад, – перебила она старика. – Сейчас же. И мне нужно, чтобы вы пошли со мной.

Тот уставился на неё с таким видом, будто это она сказала нечто, не поддающееся пониманию.

– Назад куда?

– Домой.

Она повернулась, чтобы указать себе за спину, в сторону заброшенной парковки, за которой располагалась дорога, что бежала мимо дома её двоюродной бабушки. Вот только там ничего не оказалось. Маррилл ахнула и с колотящимся сердцем бросилась к перилам.

Исчезли пустые фасады магазинчиков с разбитыми окнами и заколоченными дверями. Исчез потрескавшийся асфальт парковки. Куда ни посмотри, повсюду была одна сплошная водная гладь. Золотистая и светящаяся.

Карнелиус сердито заурчал: Маррилл сама не заметила, как сильно сжала кота. Впервые его пушистое тело не принесло ей ни малейшего успокоения.

– Как? – прошептала она, преисполненная изумлением и любопытством. – Что? – Она сглотнула. – Где мы?

Позади громыхнул гром, и она обернулась. На горизонте клубились чёрные тучи и быстро нагоняли корабль. Но Ардент совсем не выглядел напуганным. Он стоял твёрдо, будто и не замечал качку, мокрые полы его фиолетовой мантии хлестали по лодыжкам из-за поднявшегося ветра, а длинный кончик колпака трепыхался, будто ветроуказатель.

Волшебник (теперь она была в этом уверена) раскинул руки в стороны и улыбнулся.

– Добро пожаловать, – перекричал он гром, – на Пиратскую Реку!

Глава 7. Мёртвый – значит мёртвый

Фин поднял глаза на пару раздувающихся бычьих ноздрей, тёмную щетинистую морду с блестящими, как надгробные камни, зубами. С такого ракурса Бычья Морда выглядел так, будто мог съесть на завтрак трёх Финов и с нетерпением ждать сытного обеда.

– А ты пронырливый, – проворчал охранник и хрустнул чудовищно большими пальцами. – Я увидел открытую витрину, но тебя не приметил.

Фин поднял руки.

– Ну, меня сложно заме...

Не договорив, он бухнулся на колени и нырнул между толстыми, как стволы, ногами. Ошарашенный охранник успел лишь махнуть по тому месту, где секунду назад был Фин.

– Вор! – заорал он басом. – На борту вор! Поймать его!

Фин знал, когда наступала пора делать ноги. Он побежал по галерее, лавируя между витринами и опрокидывая всё, что попадалось под руку, в надежде, что это замедлит преследователей. Стекло звенело, дерево трещало, по полу разлетались бесценные артефакты.

Впереди высилась громада статуи. Позади грозно ревел Бычья Морда. С каждым шагом, от которого весь пол вибрировал, он настигал Фина. Но хуже того: ушедшие на обед охранники услышали шум и уже торопливо спускались по мосткам, чтобы присоединиться к погоне.

Фину нужно было найти ключ и убираться отсюда. Он посмотрел влево, но увидел лишь табун разъярённых мерессианцев. Посмотрел вправо, но увидел лишь ещё один отряд охранников, вооружённых мечами.

Мерессианцы по бокам. Бычья Морда позади. Статуя впереди. Бежать было некуда. Никаких углов, за которые можно было бы свернуть и подождать, пока о нём не забудут. Пора было прекратить этот забег.

Фин подался чуть в сторону, к витрине, стоящей справа от ног статуи. Бычья Морда не отставал, Фин чувствовал шеей его горячее дыхание. Он на всей скорости врезался в витрину и, охнув, перевалился через неё. Бычья Морда вытянул руку, но Фин успел открыть стеклянную крышку, прежде чем охранник успел его схватить.

В раздувающиеся ноздри охранника прыснуло фиолетовое облако. Он отшатнулся и хлопнул себя по носу. Шмыг. Затем ещё раз. Следом он оглушительно сморкнулся и чихнул так мощно, что Фина отбросило спиной назад в основание башни.

Он зажмурился от удара. В грудь плеснуло что-то тёплое, густое и склизкое.

– Благх! – содрогнулся Фин.

Открыв глаза, он увидел, что мерессианцы бросились врассыпную, уклоняясь от кулаков не контролирующего себя чихающего громилы.

– А-А-АПЧХИ! – громыхнул Бычья Морда, обрызгав группу охранников соплями.

Те поспешили отойти ещё дальше.

– Получи, тупой буйвол! – засмеялся Фин.

Между ним и армией разъярённых мерессианцев бесновался фыркающий великан: на какое-то время Фин был в безопасности.

– Чихобриз... А-А-АПЧХИ!.. скоро... БВА-АПЧХИ!.. выветрится, – выдохнул Бычья Морда.

«К счастью, – подумал Фин, – мне всего-то нужно успеть где-нибудь спрятаться».

Как только все о нём забудут, он возобновит поиски, найдёт ключ и заберёт все ценности, что только сможет унести, для себя и Пастернаков.

Не то чтобы у него было много вариантов, где затаиться, пока он жался к статуе, а перед ним метался Бычья Морда... На самом деле вариант был только один:

вверх.

Достав недавно обретенные ножи, Фин повернулся, всадил лезвие одного из них в белую мантию каменного великана и начал подъем.

- Он лезет по Оракулу! - ахнул кто-то.

- Так нельзя! - вскрикнул другой.

- А мне можно! - отозвался Фин, взбираясь всё выше.

Мантия была шелковой, но ножи уходили глубоко, обеспечивая хороший упор.

Он только добрался до плеч, когда весь корабль содрогнулся, дернулся и начал раскачиваться из стороны в сторону, вызывая тошноту. Они отчалили!

На лбу Фина выступил пот. Скоро они выйдут в открытую Пиратскую Реку. И тогда ему действительно будет некуда бежать.

Он поднялся на самый верхний уровень мостков, занятых кричащими и тыкающими в его сторону пальцами мерессианцами. Фин пополз на животе по вытянутой руке статуи. Может, ему удастся спрятаться в чаше золотого кубка и выждать, пока воспоминания о нём не выветрятся? Но добравшись до кубка, он обнаружил, что тот не был полым. Спрятаться было негде.

Он оказался в западне.

Фин понурил голову, смирившись со своей судьбой. Его взгляд скользнул на бассейн несколькими палубами ниже. Отражение статуи смотрело прямо на него.

Внезапно его осенило, что с отражением было что-то не то. Оно выглядело до странности опечаленным, совсем не как безмятежный мраморный лик у него за спиной. По фарфоровому лицу отражения текли большие чёрные слёзы, исчезающие во тьме мантии.

Фин моргнул и обернулся. Статуя, на которой он сидел, была облачена в белые одежды, не в чёрные. Он снова посмотрел вниз. Отражение статуи было точной противоположностью реальности и носило чёрную мантию, пестрящуюся белыми пятнышками, будто звёзды на ночном небе.

Что-то всколыхнулось на границе памяти. Он торопливо нащупал карман и выдернул из него письмо.

«Пронзи ты небо звёздное».

- Трубки-стержни, - прошептал он.

Он глянул на бассейн внизу. И правда было похоже на звёздное небо, не поспоришь. Но до него было падать тридцать футов, уж точно не рукой подать. Он мог запросто сломать шею.

Мимо просвистела стрела. Он судорожно вздохнул. Мерессиианцы не будут ждать. Никто не будет. А письмо пока его ни разу не подвело.

Фин осторожно сложил письмо и убрал назад в карман. Вокруг гремело эхо от чихов и криков. Внизу ещё один охранник в фиолетовой форме натянул тетиву лука.

Не дав себе времени на раздумья, Фин сделал глубокий вдох, зажал нос пальцами и спрыгнул.

Нырок в холодную воду отдался болью во всём теле. К счастью, бассейн оказался глубже, чем Фин предполагал. Он поплыл ко дну, а когда оно осталось позади, он оказался снова на воздухе!

Фин неуклюже бухнулся на пол и покатился, смягчая удар. Все сироты Пристани знали, как делать три вещи, и второй было умение приземляться. Ветры с гор дули сильно и непрерывно, никогда не знаешь, когда очередной резкий порыв поднимет тебя в воздух, и ни один из них пока ещё не выказывал особого внимания к тому, где и как опустить тебя назад на землю.

Когда Фин наконец остановился, то обнаружил себя лицом к лицу с... ну, лицом. Оно принадлежало ещё одной статуе вроде той, с которой он спрыгнул, только эта была облачена в чёрные одежды и висела вниз головой, как летучая мышь, с вырастающими из потолка ногами и почти касающейся пола головой.

– Жуть, – пробормотал Фин, проведя пальцем вдоль текущих по щеке статуи чёрных слёз.

Поёжившись, он запрокинул голову. В потолке над ним мерцал круг воды, удерживаемой, похоже, одним лишь воздухом. Тот самый бассейн, куда он прыгнул. Фин засмеялся. Эта чёрная статуя была расположена так специально, чтобы казаться отражением.

Но его хорошее настроение долго не продлилось. Он заметил по другую сторону воды движение. Мерессиацы могли в любой момент нырнуть за ним. А ему ещё предстояло найти ключ, прикарманить всё, что зацепит взгляд, и смыться.

Он посмотрел по сторонам. Не считая тусклого круга света под бассейном, на палубе царила непроглядная тьма. Но хотя бы с этим он мог что-то поделать.

– За работу, малыши, – прошептал он, доставая из поясной сумки банку, полную огоньков, и открыл крышку.

Из горлышка высунулись двадцать крошечных жёлтых головок. Они по очереди вылетели из банки и разлетелись по широкой спирали по комнате.

Жизнь с насекомыми имела свои, пусть и немногочисленные преимущества. Так, например, Фин узнал о светоблётках. Светоблётки питались тьмой, что сделало их его лучшими друзьями. Маленькие жуки вгрызались в тени вокруг, проедавая в них туннели, через которые он мог видеть.

Несколько секунд спустя он уже мог различить окружающую его обстановку. Хранилище оказалось меньше, чем галерея наверху, его стены были завешаны странными транспарантами и заставлены статуями. На всех транспарантах значилась одна и та же крупная надпись:

ОГРАДИ И НЕ ДОПУСТИ.

Всё это производило жутковатое впечатление, и, на взгляд Фина, эти статуи никого и ни от кого не ограждали. Они скорее пугали и не вызывали ни малейшего желания попросить их присмотреть за тобой. Все они были копиями статуи у бассейна – плачущего мужчины. Оракула – так его называли мерессианцы.

Он вспомнил слова Ставика о том, что Оракул и мерессианцы были на ножах из-за какого-то пророчества. И тут его осенило: вот от кого ограждали мерессианцы – от Оракула!

– Странно, – прошептал он себе под нос.

Статуи смотрели на него с открытыми в немом крике ртами, достаточно большими, чтобы проглотить его целиком. Фин содрогнулся от этой мысли. Но, если подумать, его всё это не касалось – он пришёл сюда ради наживы. И что пугало его по-настоящему, так это отсутствие этой самой наживы. Дельце всё сильнее напоминало пустышку.

Он ошеломлённо потрянул головой. Нет, не может быть. Наверняка это был тот самый тайник, упомянутый в письме. Где должен был храниться главный клад.

В этот момент голодные светоблётки выгрызли во тьме ещё один участок. И Фин увидел у дальней стены комнаты уголок маленького металлического ящика. У мальчика едва колени не подкосились от облегчения. Сейф! Фин бросился к нему и повёл пальцами по всё ещё скрытым в тени стенкам, нащупывая замок.

Он ударился ребром ладони обо что-то острое и потряс рукой, прогоняя боль.

– Ну же, жучки, – пробормотал он, представляя армию злых мерессианцев, готовую в любой момент свалиться ему на голову.

Наконец одна любопытная светоблётка уселась на ручку сейфа и принялась жевать. Фин мягко ткнул её пальцем в брюшко, поторапливая. Ему не терпелось узнать, с чем он имеет дело. Определённо что-то кристаллическое. Какой-то огранённый камень. Он опять подпихнул букашку. Та, рассердившись, на

секунду остановилась, затем опять заработала челюстями.

Фин не отрывал глаз от ручки, постепенно проявляющейся из темноты. Один волнистый лучик. Затем второй, третий. Всего шесть, отходящих от золотого центра. Ручка была в форме солнца! Расстояния между лучами как раз хватало, чтобы просунуть пальцы. Но когда Фин попытался повернуть ручку, та даже не дрогнула.

– У меня нет на это времени! – проворчал он.

Достав один из ножей, что он захватил в дар Ставику, Фин всадил лезвие в основание солнца и что было силы надавил. Солнце задребезжало, а потом с громким хлопком выскочило из дверцы, и та отворилась.

Внезапно в глубине корабля что-то заурчало.

– Это нехорошо, – пробормотал Фин.

Он быстро сунул обе руки в сейф. Но от его мечты удрать отсюда с полными карманами сокровищ не осталось и камня на камне: сейф оказался практически пуст! Фин нащупал всего две вещицы: хрустальный пузырек с водой и вырезанный из рубина ключ.

Ключ! Он нашёл его!

Фин убрал и то и другое в поясную сумку и сунул туда же ручку-солнце от сейфа. К этому моменту он был согласен на любой трофей, а ручка не выглядела совсем уж ничего не стоящей.

В следующую секунду висящая в воздухе вода обрушилась на палубу, залив всё вокруг. Светоблестки разлетелись во все стороны, парочка от страха даже выплюнула только что проглоченные усики темноты.

Стоящие вдоль стен статуи застонали. Из рта одной хлынула мутная коричневая вода. К ней подключилась ещё одна из противоположной части комнаты.

– Трубки-стержни! – ужаснулся Фин.

Сейф явно оберегала какая-то ловушка, и он в неё попался!

Масляная вода из бухты Клучанед хлестала из открытых ртов статуй, заливая ноги Фина. Вместе с ней пришёл страх. Фин сглотнул, представив, чем может обернуться эта ловушка.

Потому что у доков Пристани вода была просто водой. Но в открытой Реке, в этом чистом потоке магии, куда, по идее, уже должен был выйти корабль... ну, он мог оказаться с лягушками вместо ног. Если повезёт.

Это была самая смертельная из всех возможных смертельных ловушек.

С другой стороны, как говаривал Ставик, мёртвый – значит мёртвый. И какой бы ни была эта вода, волшебной или нет, если он не выберется отсюда, итог будет всё равно один.

Глава 8. Ардент всё (и очень плохо) объясняет

«Пиратская Река?»

Волоски на руках Маррилл встали дыбом, и по спине пробежал холодок.

Куда бы она ни посмотрела, их со всех сторон окружала вода – ей не было конца и края.

– Но это невозможно.

Она прижала к себе Карнелиуса. Считанные секунды назад она стояла посреди пустыни, а в пустынях бескрайние водоёмы обычно не встречаются.

Маррилл повернулась к волшебнику, так и не опустившему рук и выжидающе на неё смотрящему. Ей вдруг пришло в голову, что она понятия не имела, во что влипла.

Ей пришлось закусить губу, чтобы подбородок не дрожал. Во время бесчисленных семейных путешествий она не раз оказывалась в неожиданных ситуациях и научилась с ними справляться. Но тогда с ней рядом всегда были мама и папа или другой взрослый, на которого можно было положиться.

Сейчас всё было иначе.

– Так кто вы на самом деле? – спросила она.

– Я великий волшебник Ардент, – ответил старик и церемонно поклонился, так что края фиолетовой мантии колыхнулись вокруг его костлявых лодыжек. – Возможно, тебе приходилось обо мне слышать?

Маррилл молча на него уставилась.

– Или нет, – понурился он.

Ардент ногой отвёл в сторону полы мантии и махнул в сторону юноши, лениво положившего правую руку на штурвал. Маррилл заметила на костяшках его пальцев вытатуированную верёвку.

– А это капитан нашего прекрасного судна, мой добрый друг и товарищ по путешествию, Колл.

Маррилл задохнулась. Капитан? Он вряд ли был намного старше её, и уже капитан? С другой стороны, корабль ведь практически сел на мель там, на парковке. Может, Колл был ещё не очень умелым капитаном?

Судя по его виду, Колл собирался что-то сказать, но Ардент перебил его.

– А это, – он взмахнул руками, будто пытался вобрать все мачты и натянутые из-за надвигающейся бури паруса, – «Предприимчивый Кракен», величайшее парусное судно за всю историю Реки!

Рангоут над головой Маррилл внезапно скрипнул. Она посмотрела вверх, и у неё округлились глаза. Поднимающиеся от палубы канаты удивительным образом напоминали длинные ноги, блоки формировали колени и пояс. От передних и задних мачт тянулись «руки», и всё это соединялось и переплеталось в середине, образуя нечто вроде гигантского верёвочного человека.

Маррилл прищурилась. Более того, кто-то не поленился нарисовать на бумажной тарелке лицо, и прикрепить её к тросу, соединяющему «туловище» с гротом. Верёвки рангоута поскрипывали, заставляя нарисованную улыбку весело вибрировать.

– Прошу прощения, – сказал Ардент, вежливо поклонившись верёвочной конструкции. – А это Тросокостный Человек. Это он отвечает за паруса и прочее. Без него управлять кораблём такого размера было бы крайне проблематично.

Маррилл не знала, что на это сказать. Ардент, должно быть, заметил её растерянность и уточнил:

– Учитывая, что у нас на борту всего один моряк.

Будто это был единственный вопрос, что мог её сейчас интересовать.

– Теперь ваша очередь представиться, – сказал волшебник.

Маррилл заколебалась. Всё было так странно и абсурдно, что казалось нереальным. Вот только её чувства говорили об обратном: хлопанье парусов над головой, запах надвигающейся бури, боль в плече от острых когтей кота и напряжение в мышцах рук, потому что она слишком долго его держала.

– Я Маррилл, – откашлявшись, сказала она. – Маррилл Истильуэст. А это Карнелиус.

Она помахала его лапой в качестве приветствия. Кот сощурил единственный глаз на волшебника и зашипел.

– Что ж, – протянул Ардент, – мы определённо не планировали подбирать новых членов экипажа. Но раз уж вы здесь, а мы уже не там, где были, – добро

пожаловать на борт!

До Маррилл не сразу дошёл смысл его слов. Её глаза в панике распахнулись.

– Мы с Карни не собираемся присоединиться к вашему экипажу! И мне очень жаль, но я хочу – нет, мне нужно вернуться домой! – Сделав паузу, она добавила: – С вами.

Ардент улыбнулся, но явно вымученно. Уже одно это заставило Маррилл встревожиться.

– Что ж, – сказал он. – Домой. Что ж. Перед нами интересная задачка, не правда ли?

Он неловко дёрнул себя за бороду и покосился на Колла.

Тревога Маррилл усилилась. Она не знала, в чём состояла «задачка», но сама формулировка ей очень не понравилась.

Колл кивнул в сторону Ардента и проговорил:

– Он имеет в виду течения. Навигация по Реке – дело нелёгкое.

– Реке? – Маррилл посмотрела на простирающуюся до самого горизонта во все стороны водную массу, по которой пробегали белые барашки невысоких волн. – Это не похоже ни на одну реку, что мне приходилось видеть.

– Ну это тебе пусть волшебник объяснит, – сказал Колл.

Маррилл слегка обрадовалась:

– Да, было бы отлично!

Корабль неожиданно сильно качнуло, и ей пришлось опустить Карнелиуса на палубу, чтобы самой схватиться за ближайшую мачту. Кот немедленно съёжился в углу рядом с дверью в кают-компанию.

– Да, что ж. Хм-м. – Ардент сосредоточенно нахмурился. – Было бы проще, будь у меня под рукой мои трактаты, – пробормотал он, постукивая пальцем по подбородку и вышагивая по раскачивающейся палубе, как по твёрдой земле. Он с грустью покачал головой. – Но их отсутствие не должно меня остановить.

– Представь себе Реку Сотворения, – начал он, – что течёт от начала всего до конца времён. – Он провёл рукой по воздуху, и из его пальцев брызнула серебристая жидкость, она растекалась и темнела, и вскоре между ними зажурчала миниатюрная река. – Целые миры и, не побоюсь этого слова, вселенные возникают на ней, подобно городам на её берегах.

Вдоль потока появились дома, поселения и планеты. Маррилл поражённо ахнула и потянулась к иллюзорной реке. Она выглядела такой настоящей!

Ардент шлёпнул её по ладони.

– Первое и самое важное правило – никогда не касаться Пиратской Реки, – предупредил он. – Её воды – это чистая магия. Ты же не хочешь обрасти чешуёй или взорваться?

Маррилл уставилась на него с разинутым ртом. Было непохоже, чтобы он шутил. И затем она вспомнила, как совсем недавно её запястье обросло перьями, и поняла, что он, вполне возможно, говорил серьёзно.

– Нет, обычно я не испытываю желания взрываться.

Волшебник приподнял бровь.

– Мало кто испытывает, – отозвался он с тоскливой ноткой в голосе, будто знал, каково это, и сожалел, что другие не желали разделить его опыт.

Он кашлянул.

– Итак, продолжим. Большинство рек стекаются и сливаются – вода любит собираться вместе на пути к морю, знаешь ли. Но иногда, крайне редко, но всё же такое случается, от реки внезапно отделяется рукав, меньшая река, которая убегает в своём направлении по причинам, известным только ей. В таких

случаях её называют Пиратской Рекой.

В качестве иллюстрации он провёл пальцем поперёк серебряной реки, «вытянув» из неё вбок ниточку нового рукава.

– Всё есть в книгах, – сказал Ардент таким тоном, будто это что-то объясняло.

Нахмурившись, Маррилл всмотрелась в парящее в воздухе изображение, стараясь понять, о чём говорит волшебник. Когда ей было восемь, они семьёй отправились в сплав по реке Колорадо в Большом каньоне, и папа рассказал ей об образовании речных рукавов. Но насколько она помнила, никакая река в мире не могла заставить тебя обрасти чешуёй или взорваться.

– Ты, моя дорогая, – продолжил Ардент, – находишься на самой пиратской из всех пиратских рек! – Он раскинул руки в стороны, обозначая бескрайнюю водную поверхность, волнующуюся из-за скорой бури. – Это единственная и неповторимая Пиратская Река, ответвление самой Реки Сотворения!

Маррилл посмотрела вокруг в попытке связать его слова с окружающей действительностью.

– И всё равно это совсем не похоже на реку, – наконец сказала она.

Ардент пожал плечами.

– Пиратская Река в сравнении с Рекой Сотворения течёт быстро и свободно, это как сравнивать горный ручей и неторопливую равнинную реку. Но это не отменяет того факта, что она касается всех миров, в определённом месте и в определённое время. Не говоря уже обо всём том множестве миров, что существуют внутри самой Пиратской Реки. Так что да, справедливо будет сказать, что она весьма крупная.

Нос «Предприимчивого Кракена» рассёк высокую волну. Маррилл нахмурилась, в голове бурлили вопросы.

– Если нам нельзя касаться её вод, почему же я стояла в ней там, на парковке? И как быть с брызгами?

– Брызги слишком заняты дилеммой, становиться им воздухом или нет, чтобы нас беспокоить, – отмахнулся Ардент. – Пока ты не промокнешь от них насквозь или сама не окунёшься в Реку, волноваться не о чем. Что касается той воды, в которой ты стояла, то это была просто вода. Так обычно бывает на границе, где Река касается мира. Чаще всего.

Небо рассекла вспышка молнии, грохот запрыгал по волнам.

– Ждём ливня, – сообщил Колл, продолжая стоять у штурвала с таким видом, будто совершенно не о чем было волноваться. Он поймал взгляд Маррилл. – Не бойсь, бурю мы обойдём, сквозь неё не поплывём.

Ардент согласно кивнул, но всё же достал шнурок и обвязал им голову, чтобы колпак не сорвало ветром.

– Не думаю, что у тебя могли остаться ещё вопросы. Всё стало понятно, верно?

Маррилл ошеломлённо на него воззрилась.

– Ни капельки, – устало признала она. – И вы так и не объяснили, как мне вернуться домой. А я должна вернуться.

Ардент кашлянул. Затем ещё раз и бросил взгляд на Колла, который лишь вскинул бровь.

– Что ж, дело в том, что мы уже значительно, хотя тебе может казаться, что это не так, отделились от твоего мира – таково уж свойство Пиратской Реки. Вернуться туда было бы непросто даже при самых благоприятных условиях. Прибавь к этому проявившиеся с недавнего времени причуды Реки, и, скажем так, я не совсем уверен, как мы вообще там очутились. Это не то место, куда путешествующие по Реке обычно забредают.

Волшебник шагнул к Маррилл и положил ей на плечо тёплую ладонь. Этот жест стал последней каплей, и у неё перехватило дыхание. Он напомнил ей о папе, её глаза заволокло слезами, но она запретила себе плакать.

Улыбка Ардента сочувственно угасла. Он взглянул на Колла, безмолвно призывая его что-то сказать. Капитан кивнул и с неохотой заговорил:

– Он прав. Течения в этой части Реки непредсказуемы, и у них весьма долгий жизненный цикл. Я плаваю по Пиратской Реке уже... – Он согнул один палец, второй, третий и пожал плечами. – В общем, достаточно, чтобы на ней ориентироваться, и я никогда раньше не попадал в тот рукав. Может, и никто до нас туда не сворачивал.

Он указал подбородком на горизонт.

– Мы следовали за тем обрывком карты, когда попали в водоворот. Я почти уверен, что его породила недавно прошедшая буря, потому что раньше водоворота там не было.

Его слова о буре заставили Маррилл поднять глаза на клубящиеся над ними тучи, и она ещё больше занервничала. Они выглядели угрожающе, но ни Ардент, ни Колл не казались встревоженными.

– А прибавь к этому поднявшиеся волны и ветер с Бездыханного пролива, – продолжил Колл, – и необходимые условия, чтобы снова оказаться именно в том месте, где мы тебя встретили, могут... ну вообще больше никогда не возникнуть.

Это поразило Маррилл. Её глаза расширились, колени подкосились, и она пошатнулась. Покачивающая палуба только усилила головокружение. Ей стоило больших усилий произнести следующие слова, словно озвученные они могли поставить крест на её дальнейшей судьбе:

– Никогда? То есть я никогда не смогу вернуться домой?

Колл посмотрел на Ардента, тот уставился на небо, задумчиво пожёвывая нижнюю губу. Наконец он крепко, обнадеживающе стиснул пальцами её плечо и сказал:

– Мы вернём тебя домой, дорогая. Я обещаю. Я только не знаю когда.

Глава 9. Мастер-вор ворует мастерски

Фин свистнул, подзывая светоблесток.

– Ну же, давайте! – шептал он, пока они заползали назад в банку. – Торопиться некуда.

Если они и уловили его сарказм, то сделали вид, что не заметили. Тем временем вода быстро заполняла мерессинский корабль-храм.

Фин обеспокоенно огляделся. Если он не хочет утонуть, нужно было как можно скорее найти выход. Может, подняться через дыру, оставшуюся от бассейна? Но не успел он сделать и трёх шагов в ту сторону, как в хранилище, подняв столб брызг, рухнул кое-кто знакомый.

Бычья Морда. В одной руке он держал зловещего вида меч. Второй вытирал сопливый нос.

– Верни Ключ, – прохрипел он.

– У тебя мозги разложились? – возмутился Фин. – Мы здесь утонем!

В ответ Бычья Морда ринулся на него. Фин едва успел увернуться от блестящего лезвия и нырнул – не буквально, хотя уровень воды уже успел подняться до двух футов – за одну из боковых статуй.

– Из-за тебя, глупый вор, корабль пойдёт ко дну! – прогремел Бычья Морда. Его кожа приобрела отчётливый зеленоватый оттенок, а губы мертвецки посерели. – Его сконструировали так, чтобы защищать Ключ любой ценой! О, Ежекаров меня убьёт...

На мгновение, всего на краткий миг, Фин представил, что будет, если он его послушает: «Отдам ему Ключ, вернусь домой. Хотя, скорее всего, меня запрут, потом забудут, и я буду голодать, пока кому-нибудь не приспичит убраться в карцере». Но он останется в живых.

Живой, но с упущенным шансом найти маму. Он не мог упустить такой шанс.

«И потом, – подумал Фин, – я стал мастером-вором, не потому что возвращал украденное».

– Шевелись, а не то мы все утонем! – прорычал Бычья Морда.

Фин пожал плечами.

– Ты кажешься прекрасным пловцом.

Бычья Морда опять замахнулся. Фин отпрыгнул. В этот раз лезвие едва его не задело: в скорости реакции мерессианец почти не уступал Фину.

Почти.

Он промазал, но рассёк голову статуи, за которой спрятался Фин. На месте рта образовалась огромная дыра, и вода из неё захлестала ещё быстрее.

Фин сглотнул. Такими темпами их накроет за считанные минуты! Его взгляд заметался по хранилищу. Выхода не было. Ни единого. Никаких отверстий, не считая этой дурацкой дыры в потолке и ртов статуй, из которых плескала вода из гавани.

Бычья Морда занёс над головой меч. Его рука дрогнула, а мышцы живота судорожно сократились.

– Ограждай... – Громила задрожал всем телом, его губы с трудом складывались в слова. – И не... допу... сти... ГХЯК!

Фин откатился в сторону, зная, что сейчас будет. Рвотная пилюля наконец-то сработала. Бычья Морда согнулся пополам, и его вырвало в воду.

Вот он – шанс. Стараясь не коснуться расплывающейся по воде смрадной массы, он прошмыгнул мимо всё ещё занятого опорожнением своего желудка мерессианца и быстро взобрался на рассечённую им статую.

– Надеюсь, тебе понравилось воровское рагу! – триумфально крикнул Фин, затем ухватился за края разрубленного рта статуи и нырнул внутрь.

Его будто проглотили заживо.

Силы рывка хватило, чтобы выскочить из статуи, но здесь его подхватил поток, хлещущий из гавани, и швырнул о стену корпуса. Вода залила нос и уши. Он оттолкнулся от занудубных досок и замахал руками и ногами, но без особого результата. Тогда он в отчаянии всадил лезвие сначала одного ножа в древесину, затем другого и пополз прочь от дыры, грозящей засосать его назад в хранилище.

Снова и снова он пробивал ножами древесину и подтягивался, дополнительно отталкиваясь ногами. Лёгкие горели, и он в последний раз взмолился о том, чтобы среди его предков оказались русалки, когда сначала его ладонь вынырнула из воды, а секундой позже голова.

Он жадно хватал ртом воздух. В ушах стояли крики. Мерессианский корабль быстро шёл ко дну!

Фин оглянулся. Они успели отчалить от Пристани, до причала было слишком далеко, не доплыть. Не говоря уже о том – и от этого воспоминания у него засосало под ложечкой, – что он не умел плавать.

– Трубки-стержни, – откашлялся он, стискивая пальцами рукояти ножей.

Оставалось только одно – лезть дальше. Он взбирался по резным доскам, как ящерица по водостоку, наступал ногами на плечи королей с каменными лицами и хватался пальцами за разинутые пасти жутких чудовищ.

Он скорчился за резными перилами, опоясывающими главную палубу. Здесь царил хаос: мерессианцы бегали туда-сюда, выносили из хранилища сокровища и грузили их на шлюпки, а потом и сами покидали корабль. Фин, надеясь затеряться в суматохе, выскользнул из-за перил и прокрался к одной из пустых шлюпок.

Но чёрная полоса невезения не торопилась заканчиваться.

– Стоп, кто этот пацан? – прогремел знакомый голос. – Его здесь быть не должно! Это наверняка тот вор!

Забухали шаги: Бычья Морда, весь мокрый, шмыгающий носом и всё ещё немного зеленоватый, вылез из люка на верхнюю палубу.

Фин вздохнул. А ведь он уже почти выветрился из памяти остальных мерессианцев! С другой стороны, это вам не бабочку показать. Чтобы забыть виновника затопления целого судна, нужно немного больше времени.

Стоило признать, что какая-то его часть даже была рада видеть сердитого охранника. Ему не хотелось представлять мерессианца застрявшим в хранилище и утонувшим, как бы упорно тот ни пытался его убить.

Но его радость долго не продлилась. Бычья Морда выхватил меч, указал им на Фина и взревел:

– Не дайте ему уйти!

У Фина оставалось только два варианта: за борт и вверх. А так как плавать он не умел, он прыгнул на спутанный клубок верёвок рангоута и полез вверх. Далеко, правда, уйти не удалось: канаты заскрипели и закачались под большим весом кого-то под ним.

Фин сглотнул и полез быстрее. Пара секунд – и вокруг уже покачивалась на налетевшем вдруг ветру парусная «листва». Весь корабль дёрнулся и закачался.

– Ну хватит, парень, бежать некуда! – закричал Бычья Морда.

Догнать Фина он не мог, но всё равно взбирался заметно быстрее, чем можно было ожидать.

Фин пролез в ячейку сети, соединяющей две мачты. Отверстие было слишком узким для Бычьей Морды, но это его не остановило: он просто разрубил веревки мечом.

- Трубки-стержни! – вскрикнул Фин, перепрыгнув на ближайшую мачту.

- Попался, парень, – сказал мерессианец, подтягиваясь следом. – Это конец. Отдай мне Ключ, и тогда мы оба успеем спастись, прежде чем она опрокинется.

- Не согласен, но спасибо за предложение! – отозвался Фин с мачты.

Та быстро сузилась до тонкого столба, не внушающего доверия. Совсем скоро Фину действительно станет некуда бежать.

Порыв ветра ударил по судну, всколыхнув листья-паруса. Сердце Фина дрогнуло. Он вцепился в столб мачты, чувствуя, как грубая поверхность царапает ладони. Тихий день в Пристани Клучанед подошёл к концу. С вершины горы спустились ревущие ветры.

- Куда теперь, парень? – спросил Бычья Морда.

Выше Бычья Морда подняться не мог, уже хорошо. Но лезвие его меча ярко блеснуло в солнечном свете, и Фин поёжился.

- Путь один – вниз, – продолжил мерессианец и улыбнулся, сверкнув мощными зубами.

Замахнувшись, он всадил меч в столб.

Вся мачта содрогнулась. Фин взобрался чуть выше. Где-то вдалеке нарастал рёв, будто лев, приветствующий добычу. Фин очень хорошо знал этот звук. То были спускающие с горы большие ветры, грозящие пронестись по гавани вихрем разрушения. Он прислушался и мысленно приготовился.

Хрусть! Столб подпрыгнул под ладонями. Сколько ещё ударов выдержит дерево, прежде чем он грохнется на оставшуюся далеко внизу палубу?

- Все кончено, парень! – крикнул мерессианец. Корабль дёрнулся и ещё сильнее накренился. – Сдавайся!

Фин глубоко вздохнул.

– Ну же, давай, – взмолился он, поторапливая ветер.

Его пальцы нервно перебирали шнуры, спрятанные в рукавах.

Рёв налетел за миг до следующего хрусть, приглушив скрежет древесины и вопли внизу. Оглушительный, мелодичный, чудовищный рёв.

Фин встретился взглядом с нахмурившимся мерессианцем и улыбнулся:

– Прости, дружище, мы славно провели время, но, думаю, это за мной.

Бычья Морда с растерянным видом остановился на середине замаха. Он шмыгнул носом.

А затем по ним хлестнул ветер. Оголённые участки кожи Фина обожгло, как огнём. Он прыгнул навстречу водной глади гавани.

Потому что каждый сирота Пристани знал, как делать три вещи, и самой лучшей и классной из них, вне всякого сомнения, было воздухоплавание. Фин дёрнул спрятанные в рукавах шнуры, раскрывая дополнительные полы куртки. За считанные секунды до удара о поднявшиеся волны ветер подхватил Фина и понёс всё выше и дальше от корабля.

Фин, смеясь, описал спираль. Бычья Морда тряс в его сторону кулаком и сыпал проклятия. Его соратники внизу продолжали загружать шлюпки добром, пока корабль медленно, но верно кренится набок. Но у них будет достаточно времени, чтобы покинуть судно. Они навсегда запомнят мастера-вора, потопившего корабль, хотя максимум через час забудут, что это был именно Фин.

Он облегчённо выдохнул и спланировал в сторону берега. Пояс оттягивала сумка. Может, он и не напихал полные карманы сокровищ, но добыл Ключ. А его мама была ему дороже богатств целого корабля.

Глава 10. Что ты здесь делаешь?

Маррилл представила, что будет, если она никогда не вернётся домой, и у неё задрожали колени. Как долго родители будут ждать её, пока окончательно не отчаются? Маме за это время станет совсем плохо, и это будет её вина. Сделав глубокий вдох, она заставила себя выпрямиться и собраться, хотя больше всего на свете ей хотелось расклеиться.

Ардент поднял руку.

– Рано паниковать. Ты просто не можешь вернуться тем же путём, каким пришла, вот и всё.

Искорка надежды согрела ледяную тяжесть в груди. Маррилл была не против других путей, при условии что они всё-таки приведут её домой.

– Может, покажешь ей корабль? – предложил Колл. Посмотрев на Маррилл, он добавил: – Это вернёт тебе опору под ногами.

Он понимающе подмигнул, как если бы знал по себе, каково это – оказаться брошенным на произвол судьбы непонятно где. Она благодарно улыбнулась, и он кивнул.

– Прекрасная идея! – оценил Ардент.

Спустившись на центральную палубу, он пересёк её и поднял крышку люка в носовой части корабля.

Маррилл шмыгнула носом и пошла за ним, Карнелиус тоже решил присоединиться.

От люка вниз вела широкая спиральная лестница. Маррилл невольно замедлила шаг, рассматривая резные перила и подъёмы ступеней. Даже стены поражали воображение: на них были нарисованы яркие фрески, которые, если хорошенько присмотреться, едва заметно двигались.

Но Ардент либо ничего этого не видел, либо для него это было в порядке вещей. Он быстро спускался и не переставал говорить, так что Маррилл пришлось поторопиться.

– Пиратская Река связывает все водоёмы, где бы и когда бы они ни существовали. Даже самые отдалённые и исчезнувшие.

– Но на парковке не было никаких водоёмов, – сказала Маррилл, выглядывая за перила.

Лестница, казалось, тянулась в бесконечность. По самым скромным предположениям она уходила вниз ещё этажей на восемь, а может, больше, то есть намного ниже дна корабля, по крайней мере каким он представлялся снаружи. От каждой лестничной площадки во все стороны, подобно щупальцам осьминога, отходили коридоры и проходы.

– Я хочу сказать, из-за пекла могло показаться, что там вода, но то был лишь мираж...

– Вот тебе и ответ! – провозгласил Ардент, не сбавляя шага. – Понимаешь ли, в чём дело... Я говорю «Пиратская Река», но на самом деле это множество рек одновременно, и все они омыают новые и захватывающие места. Открытая река, та её часть, что похожа на океан, – это сосредоточение всех этих рек. Оно выглядит как нечто целое, но, уверяю тебя, в действительности это сотни миллиардов отдельных течений, которые текут в сотни миллиардов миров, во всех направлениях, поверх и под друг другом. Поэтому так важно иметь опытного рекоплователя вроде Колла, иначе ты попросту никуда не доберёшься.

Он остановился на площадке, сощурился на полутёмный коридор и пробормотал:

– Что ты тут делаешь?

– Э-эм, вы сказали мне идти за вами? – ответила Маррилл.

Волшебник усмехнулся.

– Я не тебе. – Он продолжил спуск. – Я имел в виду Прогулочную палубу. – Он не глядя махнул себе за спину в сторону того этажа, что они только что прошли. – Будь с ней осторожна, она любит болтаться, где ей вздумается. Советую на неё не заходить. Никогда не знаешь, где окажешься, – можешь и на другом корабле.

– Э-эм... – Маррилл растерялась, не зная, что на это сказать. – Как я узнаю, что это именно Прогулочная палуба?

Он оглянулся на неё и нахмурился.

– Она единственная перемещается.

Пока девочка обдумывала эти слова, волшебник успел спуститься на следующий этаж. Маррилл побежала за ним.

– Ещё было бы очень кстати, – продолжил Ардент рассказ, будто и не было никакой паузы, – если бы у тебя была карта.

Маррилл едва не запнулась, спускаясь на площадку. Она вела в длинный и широкий проход, практически заполненный дверями. Они шли одна за другой, косяк к косяку, сплошные золотые ручки, серебряные петли и латунные молоточки в виде лиц с глазами, которые, если она не ошибалась, следили за каждым её движением. Одни двери были большими, во всю высоту коридора, а в другие едва бы и мышь протиснулась. Какие-то двери не доставали пола, а некоторые были в самом полу.

– Это Проход, – сообщил Ардент, целеустремлённо двинувшись по коридору. Полы его мантии хлестали по лодыжкам, когда он перешагивал через двери в полу. Наконец он остановился перед одиночной дверью в дальнем конце. Её молоточек размером был почти с голову волшебника, а поверхность украшал стильный рельеф из чёрного дерева в виде высоких драконов. – А это Карточный отсек.

Он повернул большую латунную ручку. Маррилл как раз успела его нагнать.

– После вас, – сделал он приглашающий жест.

Маррилл шагнула в открытый проём, уверенная, что её уже ничто не удивит. И немедленно от её уверенности не осталось и следа.

Комната на самом деле была полна карт. Она была шестиугольной, и стену напротив занимало большое окно, сквозь которое можно было видеть, что происходит перед кораблём. Остальные стены были завешаны навигационными приборами и картами с незнакомыми названиями вроде Острова Виныкрушитель, Западный Пробкопузыр и Загадушные земли.

В центре стоял большой круглый стол, весь застеленный картами. Три крупные крысы, держа в лапках инструменты, что были не намного меньше их самих, прокладывали на одной из них курс. У каждой крысы было по два хвоста. И воротник. И явный избыток лап.

Карнелиус прошмыгнул мимо Маррилл и прыгнул, прежде чем она успела его схватить. Странные создания хором пискнули и прыснули со стола. Они двигались на удивление грациозно и легко уклонялись от когтистых кошачьих лап.

Без единой царапины они скрылись в многочисленных норках и трещинах в стенах, оставив Карни раздражённо мотать хвостом. Маррилл смотрела на всё это широко открытыми глазами.

Вдруг её осенило, и она улыбнулась впервые с того момента, как поднялась на борт. Она начала вникать в происходящее.

– Дайте угадаю. Штурмыши?

– Вообще-то мы звали их трюмными крысами, – сказал Ардент. – Но это звучит куда достойнее. Разумеется, Колл зовёт их просто «неправильно выполненный заказ», но откуда мне было знать, что «мышь» и «воротник» – это виды снастей? О чём просил, то и получил!

Маррилл опять растерялась. А Ардент повернулся к ней и ласково улыбнулся:

– Но отныне они будут штурмышами.

И она почувствовала себя немного увереннее.

– Так какую карту мы ищем? – спросила она и бросила взгляд на ящичек в старом потёртом комод. – «Атлас Малой Чесотки», – прочла она ярлычок.

– Определённо не эту, – сказал Ардент. – И настоятельно предлагаю никогда больше её не упоминать. Нет. – Он побарабанил кончиками пальцев. – Боюсь, здесь нет карты, что приведёт тебя назад в твой мир. То была лишь временная остановка. В крайне неудачный момент, как я сейчас понимаю.

Вспыхнувшая было в груди Маррилл надежда начала увядать.

– Как я уже говорил, Пиратская Река едва касается твоего мира. Полагаю, тебе может помочь лишь одна очень особенная карта. Уникальная, не побоюсь этого слова. Но тут-то и кроется проблема. – Он неуютно кашлянул. – У меня её нет. Кроме того, она может быть поделена на несколько частей. И эти части, скорее всего, находятся во всех концах Реки, что можно считать третьей проблемой. А четвёртой будет необходимость не только выяснить, где

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/devis_dzhon-park/rubinovyuy-klyuch

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)